

1797

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Материалы научной конференции

ISBN 978-5-8064-3163-0

9 785806 431630

HERZEN

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЕННЫХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Материалы научной конференции

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2021

ББК 63.3(0) 64-68

С 37

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «„Русский медведь“ в современной символической политике: российский и западный контексты» (грант № 19-011-00748)

С 37 Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация): Материалы научной конференции / Под ред. О. В. Рябова, И. О. Ермаченко, Т. Б. Рябовой. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. — 124 с.

ISBN 978-5-8064-3163-0

Сборник содержит материалы докладов на международной научной конференции «Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация)», которая состоялась 14–15 декабря 2021 года в РГПУ им. А. И. Герцена.

ISBN 978-5-8064-3163-0

© Авторы статей, 2021

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021

© С. В. Лебединский, обложка, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

<i>Кагарлицкий Ю. В.</i> «Подвергать себя опасностям войны вульгарно»: изменение отношения к участию в войне на пороге Нового времени.....	6
<i>Зоткин А. А.</i> Война как исток гуманизации: Г. В. Ф. Гегель vs И. Г. Гердер.....	9
<i>Левина Ж. Е.</i> Неодушевленность как главный символ войны в отечественной культуре первой половины XX в.	12
<i>Невзоров М. В.</i> Между регулярным и тотальным: конструирование пределов ограниченной войны.....	15
<i>Зайцев С. Ю.</i> Формирование образа частных военных компаний (ЧВК) в современном кинематографе.....	18
<i>Гуреев Д. В.</i> Символические структуры как элемент формирования политических идеологий.....	21

РАЗДЕЛ II.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И ОБРАЗЫ «ЧУЖИХ» В ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

<i>Михеев Д. В.</i> Испанцы в Новом свете: эволюция образа в дневниках участников английских кругосветных экспедиций последней четверти XVI века.....	26
<i>Киселев А. А.</i> Борьба общей полиции с символикой политического протеста в белорусских губерниях накануне Январского восстания 1863 г.	31
<i>Кочукова О. В.</i> Позиция «европейского наблюдателя» в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: сюжеты и образы сатирической графики.....	35
<i>Кочуков С. А.</i> Образ славянства в русской и европейской политической карикатуре периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	39
<i>Купцова И. В.</i> Символы насилия в художественной практике массовой культуры в годы Первой мировой войны.....	42
<i>Чикалова И. Р.</i> «Король, закон и свобода»: жертва и символ сопротивления — Бельгия (по страницам российских публикаций периода Великой войны).....	45
<i>Цыкалов Д. Е.</i> Символы насилия и миролюбия в религиозно-	

философском дискурсе В. Ф. Эрна.....	49
<i>Конев К. А.</i> Образ Антанты и США в периодической печати большевиков и антибольшевистского движения на востоке России в годы гражданской войны: особенности метафорического конструирования.....	52
<i>Кротова М. В.</i> Образ врага в советско-китайском конфликте на КВЖД.....	56
<i>Пушкаренко Е. А.</i> Женские образы в советской и немецкой пропаганде в годы Великой Отечественной войны.....	60
<i>Райкова В. А.</i> Стереотипы и образы Холодной войны в сериале «Американцы».....	63

РАЗДЕЛ III.

МОБИЛИЗАЦИЯ — ПОБЕДА — КОММЕМОРАЦИЯ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

<i>Гребенкин А. Н.</i> Влияние Революции 1917 года и Гражданской войны на символы и ритуалы российских военно-учебных заведений.....	67
<i>Соколов А. С.</i> «Военная тревога» 1924 г. как фактор социальной напряженности в раннесоветском обществе.....	70
<i>Овчарова О. Г.</i> «И в труде, и в бою...»: женщины Великой Отечественной войны как символы российских регионов (на примере Саратовской области).....	73
<i>Карушева Ю. М.</i> Долг перед Родиной в представлениях россиян: возрастной аспект (на материалах всероссийского опроса).....	75
<i>Смаль С. В.</i> Символическое измерение последствий политических конфликтов: опыт использования многомерных интегральных индексов и вызовы в сфере социального обеспечения.....	78

РАЗДЕЛ IV.

МЕДВЕДЬ И ДРУГИЕ: БЕСТИАРИЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Рябов О. В.</i> Бестиарий мировой политики: к проблеме аспектизации.....	82
<i>Смирнов Д. Г.</i> Бестиарный код международных отношений через призму образа русского медведя.....	86
<i>Рябова Т. Б.</i> «Русский медведь» и каноны национальной мужественности в современной России: общественное	

мнение и массовая культура.....	90
<i>Мутаев У. К.</i> «Русский медведь» как символ России для дагестанцев.....	93
<i>Фролова Ю. Н.</i> Анализ репрезентации политической символики средствами text mining (кейс «русского медведя» в СМИ США).....	96
<i>Спутницкая Н. Ю.</i> Медведь и скотный двор. Образ медведя в советском / российском и американском комиксе 1980–90-х гг.	99
<i>Клещенко Л. Л.</i> Россия в образе медведя: взгляд из США (на материале интервью).....	102
<i>Лебедева М. Л.</i> Зубр и аист как символы мира в белорусском общественно-политическом дискурсе.....	104
<i>Сильченко И. С.</i> Русский медведь во Франции. К вопросу о судьбе живого талисмана 5-го особого полка русского экспедиционного корпуса в 1916–1918 гг.	108
ABSTRACT AND KEYWORDS	113
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	121

РАЗДЕЛ I

ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

«ПОДВЕРГАТЬ СЕБЯ ОПАСНОСТЯМ ВОЙНЫ ВУЛЬГАРНО»: ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К УЧАСТИЮ В ВОЙНЕ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Кагарлицкий Юрий Валентинович

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

e-mail: yury.kagarlitskiy@gmail.com

Аннотация. Рассматривается изменение отношения к воинской доблести на пороге Нового времени. Точка зрения Пьера дю Мулена, в своей «Этике» скептически трактовавшего воинское мужество, объясняется тем, что внимание к внешней героике сменяется в эту эпоху интересом к внутренней стойкости и самодисциплине.

Ключевые слова: этика; Новое время; социальное дисциплинирование.

В настоящем докладе я намерен рассмотреть семантические сдвиги в системе этических понятий на пороге Нового времени. На примере трактата Пьера дю Мулена (собств. Pierre Du Moulin, 1568–1658) я намерен показать, как меняется традиционная интерпретация добродетели мужества в новых общественных условиях и как это свидетельствует об изменениях в отношении к участию в военных действиях и вообще к вмененной воинственности мужчины. И наконец, я попробую вписать эти изменения в тот социокультурный процесс, в результате которого наступило то, что принято называть Новым временем.

С древнейших времен война была не только жестоким и неизбежным способом разрешения крупных социально-политических конфликтов, но и местом, где проверялось настоящее достоинство гражданина. Мужество было одной из важнейших

добродетелей, поскольку взрослому мужчине полагалось выступать на стороне «своих» в вооруженных конфликтах. Далеко не все мужчины воевали, далеко не у всех социальный статус определялся воинскими заслугами, однако уличенная трусость, обнаруженное нежелание подвергать себя опасностям битвы бесчестили любого.

Однако профессионализация армии, превращение храбрости, выдержки и присутствия духа из индивидуальных качеств в составные части профессионального стандарта, воспитываемые дисциплиной и муштрой, поставили эту тотальность воинской доблести под вопрос. Именно этим можно объяснить то место в «Левиафане» (1651) Томаса Гоббса, где говорится, что уклонение от воинской службы «должно быть дозволено людям, робким от природы, не только женщинам (от которых никто не ждет исполнения таких опасных обязанностей), но и мужчинам, обладающим бабьим мужеством»¹. Существование трусливых мужчин принимается как данность, и они рассматриваются как люди в своем праве. Мужество и трусость перестают быть нравственными характеристиками, а оказываются качествами, понимаемыми прагматически, как острота зрения или физическая сила.

Мое внимание привлек, однако, другой, менее заметный пример. В 1644 г. гугенотский полемист Пьер дю Мулен выпускает трактат “La Philosophie mise en françois et divisée en trois Parties, sçavoir: Éléments de la Logique. La Physique ou Science Naturelle. L’Éthique ou Science Morale”. Третья часть этого труда посвящена этике. В числе прочего дю Мулен разбирает четыре кардинальные добродетели: мудрость, справедливость, умеренность и мужество. При трактовке мужества, однако, он допускает интересные оговорки.

Сначала он использует для этой добродетели слово *Vaillance*, но затем говорит, что Аристотель «рассуждая о моральных добродетелях, начинает с мужества и стойкости “la Vaillance, et Constance”, которые латинцы именуют *fortitudo*, а греки *ἀνδρεία*, словом, которое означает *мужественность*» [Du Moulin, 1655: 79]². При прочтении остается впечатление, что, по мысли автора, передать емкое понятие древних, которые ограничивались на обоих языках одним словом, на живом

---

¹ And there is allowance to be made for naturall timorousnesse, not onely to women, (of whom no such dangerous duty is expected,) but also to men of feminine courage [Hobbes, 1651: 168; перевод А. Гутермана цитируется по: Гоббс, 2001: 151].

² Здесь и далее цитаты переведены мной, важные для интерпретации фрагменты цитат приведены в угловых скобках.

языке так же лаконично не получается и приходится использовать два слова. Дю Мулен поясняет: Стойкость и мужество <La Constance & Vaillance> суть одна и та же добродетель, разве что слово мужество <Vaillance> во всеобщем разговорном употреблении обычно принимается за добродетель военную: стойкость же <mais la constance> проявляется не только в опасностях войны, но также в горестях, болезнях, нанесенных обидах и прочих несчастьях» [Ibid.: 79]. И затем автор трактата высказывается следующим образом: «Воинское мужество <La Vaillance militaire> в таком почете меж людей, что оно имеет прерогативу называться просто доблестью <vertu>³. Его деяния славны и великолепны, как ни у какой другой добродетели <vertu>. Это оно наполняет собой историю, оно выстроило империи, захватывая земли, в нем сияет прежде всего жемчужина славы и любовь к отчизне. В нем, определенно, есть чрезмерность. Ибо отважно подвергать себя опасностям войны есть дело вульгарное. Из конюха, из землелашца можно сделать хорошего солдата, который за плату в пять су в день будет храбро подставлять себя под пушечные залпы и первым идти на прорыв. Кроме того, можно видеть во многих животных: петухах, львах, собаках, леопардах и т. д. — подобие этой доблести. Самых беспомощных тварей можно видеть храбро бьющимися за своих детенышей. И заблуждается тот, кто думает, что бóльшая храбрость нужна на войне, чем в тяжелых болезнях и великих несчастьях» [Ibid.: 79–80].

Это рассуждение может быть понято в более узкой и более широкой перспективе. В более узкой — можно констатировать, что оно подтверждает сказанное выше: война становится профессиональным занятием, и ценность воинского мужества для обычного человека оказывается в этих условиях ограниченной. В более широкой — необходимо обратить внимание на разделение исконной *ἀνδρεία/fortitudo* на две составляющие. Эта тема взята не у Аристотеля, но и новой к XVII в. она не является: Джованни Понтано в своем трактате “De fortitudine” (1490) выделяет *fortitudo bellica et heroica* и *fortitudo domestica* [об этом см.: Кагарлицкий, 2019: 147]. У дю Мулена, однако, выделяется не *fortitudo domestica* (то есть мужество, проявляемое в домашних условиях), а *Constance* (стойкость, постоянство, проявляемые, как указано, и в войне, и в перипетиях частной жизни). *Constance* (лат. *constantia*), строго говоря, отличается от мужества не областью приложения, а приблизительно как часть от

---

³ Слово *vertu* означает как ‘доблесть’, так и ‘добродетель’.

целого: *constantia* — это некоторое внутреннее свойство, способность выдерживать жестокое давление, «посредством которой ум остается неустрашим в опасностях» (Альберт Великий)⁴. *Constantia* в некотором роде является предпосылкой всех тех подвигов, которыми славно мужество. Однако сама она лишена демонстративности и зрелищности, принципиально интроспективна. Недаром именно аутотерапевтическая *constantia*, помогающая человеку эпохи бесконечных конфликтов и войн оставаться внутренне непоколебимым, оказывается в центре знаменитой книги Юста Липсия “*De constantia in publicis malis*” (1584). Принимая всё это во внимание, можно полагать, что, выказывая ироническое отношение к *Vaillance*, дю Мулен подчеркивает выбор в пользу *Constance*, ставшей в эту эпоху основой внутренней дисциплины и самостояния человека в противоборстве с судьбой.

Список литературы

Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.

Кагарлицкий Ю. В. *Fortitudo* схоласта и *fortitudo* гуманиста: опыт изучения изменений конструктивной роли понятия // Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. М., 2019. С. 118–159.

Du Moulin P. *Ethique ou Science morale, comprise en dix livres.* Rouen: Chez Iean et David Berthelin, dans la Cour du Palais, 1655.

Hobbes Th. *Leviathan, or The Matter, Forme, & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civill.* London: Printed for Andrew Crooke, at the Green Dragon in St. Pauls Church-yard, 1651.

ВОЙНА КАК ИСТОК ГУМАНИЗАЦИИ:

Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ vs И. Г. ГЕРДЕР

Зоткин Алексей Александрович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

e-mail: al-zo@yandex.ru

---

⁴ “...per quam animus imperterritus manet in periculis” (Alberti Magni Ethicorum Liber III, Tract. II, Cap. X).

Аннотация. В статье анализируются позиции И. Г. Гердера и Г. В. Ф. Гегеля по вопросам войны и мира, единство мыслителей в признании неоднозначности роли войны и их расхождения в оценке степени её универсальности. Автор рассматривает тезисы немецких мыслителей в свете ключевых для классической европейской традиции понятий гуманизма и гуманизации.

Ключевые слова: И. Г. Гердер, Г. В. Ф. Гегель, война, мир, гуманизация.

Классика может быть названа зеркалом, в котором каждый ищет своё отражение. Именно потому классика мета-актуальна, что она принадлежит «большому времени». Нынешнее обращение к классикам немецкой философии, Гердеру и Гегелю, в вопросах войны и мира, — это очередная попытка нашей современности «познать себя» и определиться в своих путях. В нашем случае речь пойдет об оценке Гердером и Гегелем войны в перспективе гуманизма и гуманизации. Не углубляясь в перипетии истории данного термина, примем рабочее определение гуманизма как представления человеческой жизни высшей ценностью. В этой перспективе война есть безусловное зло, противное человеческой природе, а мир — безусловное благо. Немецкая философия, оставаясь в целом в рамках европейского гуманизма, разбивает, однако, нашу привычку видеть мир в оппозиции черного и белого, открывая его сложность и антиномичность.

Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) — один из ведущих деятелей немецкого Просвещения, философ, теолог, литературный критик, был одним из первых, кто обратил внимание на гуманизирующий характер состояния, противоположного миру, — состояния войны. Говоря о человеческой природе, Гердер утверждает, что гуманность является её «энтелехией»: «В каких бы условиях ни существовал человек, <...> возделывать мог он лишь дух гуманности, как бы ни представлял ее себе» [Гердер, 2013: 455].

Гердер обращает внимание на прогрессивное значение войн, которые, будучи очевидным злом, в итоге служили благу — распространению гуманизма: «Для этих же целей велись войны, заключались договоры, <...> чтобы и за пределами своего отечества человек встречал бережное обращение и принимался по заслугам» [Гердер, 2013: 261]. Прогрессивную роль войны в становлении человечества Гердер иллюстрирует на многочисленных примерах, риторически вопрошая: «Кто дал форму правления Германии, кто — культурной Европе? Война. <...> Какая сила весь мир покорила Риму Грецию и Восток — Александру? <...> Не право, а насилие, завоевание; и завоевание тоже стало правом» [Гердер, 2013: 261].

Поскольку в мире существует множество народов, постольку, замечает Гердер, существует множество взглядов на то, что есть гуманность. Народы спорят, в чем заключена ее суть, но это, согласно Гердеру, способствует усвоению и распространению гуманности: «вся история народов — соперничество, соревнование народов, спорящих о прекраснейшем венце гуманности и человеческого достоинства» [Гердер, 2013: 458].

Развитию гуманности, считает Гердер, способствует не только разум, но и всевозможные проявления неразумия. К одному из видов неразумия Гердер относит и войну, которая, несмотря на весь её ужас, способствует гуманизации: «Война питала лишь опасные доблести грабителя и убийцы... Но из такого губительного ремесла, как бы против воли народов, выросло военное искусство: создатели его не заметили, что возникновение такого искусства подрывает самую почву для ведения войн. <...> Так превращается в целебное лекарство отрав» [Гердер, 2013: 464–465].

В анализе феномена войны Г. В. Ф. Гегель (1770–1831), разделяя данную установку Гердера, оказывается гораздо радикальнее своего предшественника. Гегель не сомневается в том, что политика должна принимать правовые формы, но реальные права, как замечает он, в политической действительности не отвлечены, а исторически конкретны: «война — или что бы там ни произошло — должна установить не истинность права той или другой враждующей стороны, — ибо истинны права обеих сторон, — а прийти к решению по поводу того, какое право должно уступить в этом столкновении другому. И решить это должна война именно потому, что оба эти столкнувшиеся права в равной степени истинны, и нарушить это равенство, создать возможность соглашения путем уступки одного права другому, может, следовательно, только нечто третье, т. е. война» [Гегель, 1978: 139–140]. Признавая неизбежность и необходимость войн, Гегель выражает требование правового оформления межгосударственных отношений, которые, не являясь гарантом вечного мира, предписывают им определенные правила игры. Эти правила способствуют предотвращению бессмысленной агрессии и регулятивному выходу из войн. Начиная с «Конституции Германии», — неопубликованной работы рубежа веков, — Гегель утверждал приоритет государственного суверенитета по отношению к любым международным договорам, видя в государстве воплощение нравственности народа, а в войне — «логически необходимый момент развития понятия права». Развитие Гегелем идеи «нравственности» войны нашло свое продолжение в последующих его работах, особенно в «Феноменологии духа», «Философии права» и «Энциклопедии

философских наук». В своих трудах Гегель не отрицал важности международных договоров для жизни государств, более того, он заявлял, что мирные договоры между ними должны быть нацелены на «вечное значение». И тем не менее, состояние вечного мира, согласно гегелевской концепции, не может быть гарантировано действием диалектических законов мировой истории. Данные законы предполагают периодическую смену народов на авансцене ее театра, и эта смена является, в частности, «продуктом» межгосударственных войн.

Гердер и Гегель едины в признании двойственной, диалектической природы феномена войны: оба мыслителя отмечают не только её разрушительный, но и в определенной мере созидательный, гуманизирующий общественную жизнь, характер. Философы расходятся в оценке степени универсальности феномена войны. Гердер полагает «презумпцию неизбежности» войн временной и считает, что войны рано или поздно прекратятся и прогресс будет осуществляться исключительно мирными средствами. Гегель, напротив, убежден, что война не только способствует прогрессу человечества, но и является необходимым условием его выживания.

Полемика Гердера и Гегеля имеет непосредственные выходы в нашу современность: способно ли человечество без отрезвляющего воздействия войн, ставящих человека перед лицом смерти и тем самым ведущих к осознанию им конечных ценностей собственного бытия, — не деградировать, а выжить? Очевидно, что поиски путей выживания, — мостов «между двумя безднами», не проходят мимо философской рефлексии, в том числе и мимо контраргументов Гегеля.

Список литературы

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. 2-е изд. М.; СПб., 2013.

Гегель Г. В. Ф. Конституция Германии // Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 65–184.

НЕОДУШЕВЛЕННОСТЬ КАК ГЛАВНЫЙ СИМВОЛ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Левина Жанна Ефимовна

Омский государственный педагогический университет

e-mail: zhlevina55@yandex.ru

Аннотация. Противопоставление одушевленного и бездушного выделяется в основе символического ряда войны. Показывается, что христианское понимание культуры как преодоление в «естественном» человеке природного начала порождает знаковый код войны в российской общественной мысли, государственных документах и художественном творчестве.

Ключевые слова: символы войны, образ врага, образ войны, военные преступления.

Противопоставление природного и культурного, одушевленного и бездушного, антропоморфного и зооморфного выделяется в основе символического ряда войны как явления в работах Е. Трубецкого. Жизнь человечества, вовлеченного в войну, Трубецкой сравнивает с дном аквариума, показывающего сцены из существования водяного жука, где главным содержанием было «взаимное пожирание существ» в качестве иллюстрации природы. В дни войны, по мнению автора, законы природы, «которые властвуют в мире животном», превращаются в принципы жизни человечества: «у кого сильнее челюсть, тот и прав» [Трубецкой, 1993: 195–196].

Зооморфные символы «чужих» и «своих» создает советское искусство и народное творчество. В произведениях сибирских литераторов 30-х годов XX в. классовые враги часто получали характеристики представителей фауны или прямо уподоблялись отдельным видам животного мира. Казаки и Белая армия в целом ассоциировались с хищниками: «тучей черною шла казачья стая» [Мангун, 1935: 119], «...белая пехота рыщет по полям»;

«В тополином колке
Говорят, словаки
Спрятались как волки».

Кулаки с пресмыкающимися:

«И по селам смутным
Весь кулацкий род
Выползает, будто
Гады из болот». [Мухачев, 1935: 57, 60].

При изображении детей врагов отдельные авторы выбирали такие художественные средства, которые должны были сформировать

брезгливость или отвращение: «...хозяйский ребенок напоминал ей противного паука. У него была синяя пупырчатая кожа...» [Мисюрев, 1935: 116].

Художник Н. Сверчков сознательно наполнял свои работы, посвященные, на взгляд неискушенного зрителя, исторической тематике, достаточно далеко отстоящей от антагонистических противоречий XX века, экзотической символикой своего и чужого мира: «Звериная сущность империализма ассоциировалась в моем представлении с самым диким и темным того времени, когда человек находился на стадии животного состояния. Ни с чем современным империализм и фашизм сравнить я не мог, поэтому воплотил их в образах диплодоков, ихтиозавров, плезиозавров и других существ, вид которых внушает отвращение» [Сверчков, 1976: 76–77].

На тиражирование подобных символов нацеливала критика. Н. Острогорский рекомендовал писателям показать «всю силу звериной ненависти умирающего врага» [Острогорский, 1935: 156]. Определения военных преступлений и преступников в дипломатических документах СССР основаны на противопоставлении человеческого и животного мира. Нота наркоминдела В. М. Молотова от 25 ноября 1941 года озаглавлена «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных [1945: 278].

В середине 70-х гг. понимание врага как представителя звериного мира сохраняется. Анализируя картины сибирского художника К. Н. Щекотова «Зоя Космодемьянская перед казнью», «Последняя ночь Зои», один из критиков характеризовал образ врагов так: «Враги написаны в скупых “мышинных” красках. Это звери в облике людей. Они воспринимаются как символ смерти. <...> солдат, ведущий Зою к месту казни, похож на тень смерти, на хищника, готового в любой момент броситься на свою жертву...» [Ульянов, 1975: 16].

Вторым вариантом «расчеловечивания» врага, признание его существом бездушным, является его механистическое представление. Классическим примером врага — машины или части технического орудия стало изображение крестоносцев С. Эйзенштейном. М. Геллер отмечал, что в фильме «Александр Невский» враги показаны как нелюди, лишённые человеческих черт [Геллер, 1994: 116].

Знаковый код войны в российской общественной мысли, советских государственных документах и художественном творчестве отражает христианское понимание культуры, как преодоления в «естественном» человеке природного начала силой разума, морали или искусства.

Список литературы

Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

Мангун А. Песня о Чапаеве // Сибирские огни. 1935. № 5.

Мухачев И. Карло Тэтэнгоди // Сибирские огни. 1935. № 5.

Сверчков Н. Счастье, Чебоксары, 1976.

Острогорский Н. О второй книге романа «Великое кочевье» // Сибирские огни. 1935. № 5.

Ульянов Н. Е. Я видел прекрасное. Новосибирск: Зап. Сиб. кн. изд-во, 1975.

1946 год: Календарь-справочник. М.: Госполитиздат, 1946.

МЕЖДУ РЕГУЛЯРНЫМ И ТОТАЛЬНЫМ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДЕЛОВ ОГРАНИЧЕННОЙ ВОЙНЫ

Невзоров Максим Вадимович

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: max.nevzorov@gmail.com

Аннотация. Современная статистика учитывает вооруженные конфликты с точки зрения человеческих жертв (проекты “Correlates of War” и UCDP). Утверждается, что данный способ измерения должен быть дополнен исследованием языковых и символических репертуаров, которые конструируют динамические пределы войны.

Ключевые слова: регулярная война, тотальная война, ограниченная война, предел войны, стратегия конфликта.

1. Современные проекты по сбору данных о вооруженных конфликтах определяют их в терминах насилия. Например, в проекте Uppsala Conflict Data Project дается следующее определение: «вооруженный конфликт <...> это оспариваемая несовместимость относительно правительства или территории, или того и другого, когда применение вооруженной силы между двумя сторонами приводит по меньшей мере к 25 смертям на поле боя (battle-related deaths)». Действительно ли вооруженный конфликт определяется в терминах насилия? И является ли потеря человеческой жизни основной его характеристикой? Для этого рассмотрим «теорию войны».

Слово «теория» не должно вводить в заблуждение. Речь идет не о академических представлениях о войне, но теории, которая создается непосредственными участниками конфликтного взаимодействия: в этом смысле это теория тех, кто воюет, а не тех, кто исследует войну. Тонкое отличие одного от другого проводит Мишель Фуко, анализируя властные отношения Нового времени, он связывает властные механизмы и теорию власти, где власть понимается в качестве совокупности процедур [Фуко, 2011: 14]. Отсюда война — это в первую очередь совокупность процедур, которые должны быть освоены ее участниками, а для этого должна появиться теория, которой должны быть обучены будущие участники войны.

2. Всего можно определить два способа осмысления феномена «война» участниками вооруженного конфликта:

1) *регулярная война* возможна при соблюдении следующих принципов: а) разделение на комбатантов и некомбатантов, б) гуманное отношение к пленным, в) соблюдение обычаев войны, г) запрет на «неконвенциональные» виды оружия [Кревельд, 2005: 110–148].

2) *тотальная война* кратко описывается принципом «враг должен быть уничтожен в любое время, любом месте и любыми способами». Развитие теории тотальной войны в различных исторических контекстах описывает К. Шмитт [Шмитт, 2007].

3. Различие между указанными теориями войн может быть отслежено через изучение языковых репертуаров. В первом случае война не определяется с точки зрения насилия, но, прежде всего, относится к стратегии. Языковая картина профессиональных военных вытесняет любые личностные аспекты через стандартизацию терминологической сферы. Стандартизация команд в коммуникативной среде профессиональных военных сводит стратегию к технике: «основой для появления собственной терминологии у тех или иных подгрупп [родов войск] является их вооружение и оснащение. Именно вокруг понятий и номенклатуры техники формируются соответствующие узкопрофессиональные языки» [Соколов, 2013: 161].

Другим примером может стать термин «атака», если в описанном выше случае он связывается с решением конкретных военных задач, то «атака», к примеру, в башкирском языке (*басымта*, *карымта*) имеет уже значение, связанное с насилием: «ответный набег с целью угона скота и изъятия имущества у обидчиков или у его родичей, кровная месть в случае убийства» [Багаутдинова, 2001: 78]. Рационализация и обезличенность процедур войны парадоксальным образом связана

с «регуляризацией» вооруженного столкновения, однако данное утверждение необходимо рассматривать как гипотезу для дальнейших исследований.

4. Изучение теорий войны имеет важное значение в изучении динамических характеристик структуры регионального конфликта (в терминах единой теории конфликта В. А. Светлова). К основным характеристикам относится понятие «стабильность», о которой может идти речь, «если и только если для каждого полученного [структурой] импульса энергии существует предел изменения значений всех ее переменных» [Светлов, 2020: 89] и линейности, о которой можно говорить «если и только если каждое ее [структуры] последующее действие (состояние) полностью определяется ее начальным действием (состоянием)». Социологическая интерпретация данных терминов может быть связана с термином «фрейм» И. Гофмана [Гофман, 2004] или более современной интерпретации фрейма у Р. Бенфорда и Д. Сноу [Benford, Snow, 2000], а также получила обоснование в рамках концепции ограниченной войны Томаса Шеллинга [Шеллинг, 2016].

Регулярная война в этом смысле может рассматриваться как предел в отношениях между участниками регионального конфликта (в терминах ЕТК), сохраняя его структуру в стабильном состоянии. Знание и обязательство следовать правилам ведения войны создает стабильную систему даже в случае, если акторы прибегают непосредственно к вооруженному насилию, в противном случае — при тотальной войне — система «катастрофически» изменяется: уничтожается один из факторов, вмешивается третья сторона или проводится миротворческая операция [Невзоров, 2015].

Список литературы

- Багаутдинова Г. Н.* Традиционная военная лексика башкирского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Уфа, 2001.
- Ван Кревельд М.* Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Гофман И.* Анализ фреймов. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Невзоров М. В.* Паттерны взаимодействия факторов этнополитического конфликта на территории непризнанных государств: балканский и кавказский регионы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2015.
- Светлов В. А.* Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов. М.: Едиториал УРСС, 2020.
- Соколов С. В.* Развитие и современное состояние немецкоязычной военной лексики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2013.
- Фуко М.* Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011.
- Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2016.

- Шмидт К.* Теория партизана. М.: Праксис, 2007.
- Armed conflict 1946–2001: a new dataset // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 5. P. 6152637.
- Benford R. D., Snow D. A.* Framing processes and social movements: an overview and assessment // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 611–639.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ (ЧВК) В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Зайцев Станислав Юрьевич

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: s.zaycev@epsis.ru

Аннотация. В статье анализируются основные инструменты формирования образа ЧВК в современном кинематографе. В качестве объектов анализа взяты три фильма: «Частная военная компания», «Турист» и «Тайлер Рейк: Операция по спасению».

Ключевые слова: частная военная компания, символ, образ, кинематограф.

Изменение спектра военных угроз и базовых стратегий ведения боевых действий привели к пересмотру феномена войны, её целей, полей и участников. Одними из таких участников современных войн являются частные военные компании (ЧВК), то есть бизнес-фирмы, выполняющие контракты на поставки и обеспечение войск при проведении военных операций различного характера. Увеличение роли ЧВК в проведении боевых операций и рост их влияния на политическую сферу делает их объектом интереса со стороны политологов, в том числе в таких аспектах, как репрезентация и формирование их образа. Цель исследования — выявить основные инструменты формирования образа ЧВК в современных фильмах. Для проведения анализа были выбраны три фильма: «Турист» (реж. Андрей Щербинин, 2021, Россия), «Частная военная компания» (реж. Ким Бён-у, 2018, Южная Корея) и «Тайлер Рейк: Операция по спасению» (реж. Сэм Харгрейв, 2020, США).

Политические образы и символика в кино становились объектом исследования ряда ученых и интеллектуалов. Философ Дуглас Келлнер изучает фильмы через символы и смыслы, закодированные в их структуре. Анализируя контекст, политико-экономическую обстановку, социальные конфликты и идеологические расколы в США при Джордже Буше-младшем, ученый находит их отражение в кинопроизведениях. Кинематограф и другие составляющие поп-культуры соотносятся с политическими дискурсами и интерпретируются Келлнером как комментарии и размышления о современных реальных событиях [Kellner, 2009].

Российский кинокритик Алексей Юсев интерпретирует политические метафоры в массовом кинематографе, а также прослеживает связи между кинопроизводством и политическими акторами, учитывает политические взгляды актеров, режиссеров и продюсеров [Юсев, 2017]. Юсев анализирует фильмы, их сюжет и персонажей в условиях существующего политического контекста и конъюнктуры.

Британские исследователи Джейсон Диттмер и Дэниэль Бос анализируют кино и медиа с позиций критической геополитики. Авторы рассматривают современные фильмы и массовую культуру в целом как инструмент формирования идентичности в геополитической ситуации, определения положения «себя» (зрителя) и «другого» в мире [Dittmer, Bos, 2019].

В южнокорейском фильме «Частная военная компания» деятельность ЧВК вписывается в международный политический контекст. Действие фильма происходит в 2024 году и первые кадры предлагают описание альтернативной реальности. При этом можно найти параллели с современным геополитическим процессом и его акторами: смягчение отношения администрации президента США (республиканца) к правительству Северной Кореи, влияние Китая на Азиатский регион, поиск путей решения проблемы КНДР и Южной Кореи.

Главный герой фильма — командир ЧВК по прозвищу Ахаб. Численность отряда составляет 10 человек, в него входят проживающие в США иммигранты, ранее имевшие боевой опыт: кореец, мексиканец, латыш, сьерра-леонец, колумбиец, кубинец, белорус и др. Их задачей является взять в плен президента КНДР по прозвищу Король. Заказчиком являются Белый дом и ЦРУ. Основная мотивация персонажей — возможность жить в США, страховка, гражданство для детей.

Согласно ключевым принципам написания сценария Майкла Хейга, у главного героя есть внешняя и внутренняя мотивация [Хейг, 2020: 106]. Внешняя мотивация озвучивается Ахабом в начале фильма — «хорошо выполнить свою работу». В фильме акцентируется внимание на том, что герой, во время службы в спецназе Южной Кореи, потерял ногу и был отправлен в отставку. Доказать себе и другим свою необходимость и профессионализм является внутренней мотивацией Ахаба.

Формирование положительного образа героя проявляется в его действиях и символике. К таким действиям относятся: стремление спасти раненого; выполнение обещаний; оказание поддержки сослуживцам и подчиненным; спасение союзника в лице врача из КНДР. Для усиления образа используются следующие символы: змея на куртке главного героя (символ хитрости); протез (символ самопожертвования и преодоления).

В российском фильме «Турист» сотрудники ЧВК выполняют роли консультантов и инструкторов армии Центральной Африканской Республики. Действие фильма происходит в период президентской кампании в этой стране, которая сопровождается активизацией повстанческих движений, спонсируемых оппозиционным кандидатом и его союзниками из Франции (ранее бывшей метрополии ЦАР).

В фильме не упоминаются термин «частная военная компания» и принадлежность российских военных к тому или иному силовому ведомству. В начальных титрах они обозначаются как «инструкторы», которые «строго соблюдают положения резолюции СБ ООН». Следовательно, они действуют в рамках закона. Там же главные персонажи маркируются как «герои, освобождающие Центральную Африку» и «русские защитники».

Главным героем фильма является военнослужащий с позывным «Турист». Герою 26 лет, он не имеет боевого опыта, а значит, не может выполнять функции инструктора. Следовательно, он является наемником или сотрудником ЧВК. Основной отряд, вокруг которого построено действие фильма, состоит из 11 человек. Им около 40–50 лет, они уверены в себе, имеют хорошую физическую подготовку и военное обмундирование. Из первых диалогов (сцена прибытия отряда в ЦАР и выгрузка из военно-транспортного самолета ИЛ-76) понятно, что для персонажей это не первый визит в ЦАР и участие в военных действиях. Их мотивация — стремление обеспечить безопасность мирных жителей и порядок в стране; возмездие за убийства мирных жителей повстанцами; справедливость; самопожертвование; честность.

Позитивный образ российских военных создается через противопоставление вражеской стороне, представители которой маркируются словами «повстанцы», «бандиты». Их мотивация — деньги, стремление к безнаказанности и так далее. Также формирование образа происходит через следующие действия основных персонажей: спасение раненых сослуживцев; отсутствие переговоров с повстанцами; ведение боя с превосходящими силами противника.

В фильме «Тайлер Рейк: Операция по спасению» ЧВК не обозначается как единая группа или спецотряд, а по сути является группой наемников. Они хорошо вооружены и обеспечены техникой. Отряд состоит из главного героя Тайлера, двух солдат и группы технической поддержки, которая также обладает навыками ведения боевых действий. Задачей отряда является освобождение сына наркобарона из Индии, похищенного его конкурентом из Бангладеш. Герои фильма называют это «операцией по спасению», хотя это также является похищением из серии «вор у вора дубинку украл». В одном из диалогов сказано, что для спасения мальчика нужна целая армия. Следовательно, транслируется тезис о том, что профессиональные ЧВК по боевой мощи и эффективности сопоставимы с армиями.

Список литературы

Хейг М. Голливудский стандарт: Как написать сценарий для кино и ТВ, который купят. М., 2020.

Юсев А. Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. М., 2017.

Dittmer J., Bos D. Popular Culture, Geopolitics, and Identity. Human Geography in the Twenty-First Century: Issues and Applications. London, 2019.

Kellner D. Cinema wars: Hollywood film and politics in the Bush-Cheney era. Oxford, 2009.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Гуреев Данила Валерьевич

Независимый исследователь

e-mail: danila.gureev@inbox.ru

Аннотация: Рассмотрен процесс формирования элементов политической идеологии через использование ценностных элементов в символической политике. Внимание уделяется основным функциям символов в политических идеологиях.

Ключевые слова: политическая идеология, идеологические символы, политические ценности.

В основе политической идеологии лежит набор этических идеалов, определяющих развитие системы, государства и индивида. В свою очередь, эти идеалы строятся на интерпретации законов политики, экономики и морали. Простейшим способом передачи информации в данной системе является символический ряд, составляющий сущность идеологического конструкта, что позволяет нам говорить об идеологии как символической системе. Ключевым вопросом будет интерпретация основной ценности идеологии и использование формирующихся смыслов в практическом поле.

Изучая такие категории, как «символ» и «ценность», необходимо обратиться к позиции отечественного исследователя О. А. Кармадонова. В книге «Социология смысла» автор рассматривает концепцию символа как «над идею» или базис, на котором строится любая общественная концепция [Кармадонов, 2014: 32]. Данную концепцию можно рассмотреть в виде схемы (рис. 1):

Символ ➡ Утопическая концепция ➡ Доктрины

Рис. 1. Символическое построение идеологии

Согласно данной теории, в основе любого общественного или философского учения лежит природа символа. На основании данного образа формируется идея для достижения общественного блага, выраженного через символ. В результате формируется учение, описывающие методы достижения общественного блага. Вышеуказанную теорию мы можем дополнить, рассмотрев схему через призму политической идеологии. Абстрактная категория символа, выраженная через ценность, категоризируется как политическое учение, на основании которого можно строить политические режимы. Редуцируя данный факт на политические идеологии, мы можем сформировать принципы их формирования (рис. 2):

а) Свобода ➡ Утилитаризм ➡ Либерализм

б) Социальное равенство → Эгалитаризм → Социализм

Рис. 2. Примеры символического построения идеологии:
а) либерализма б) социализма

На основании этого все идеологическое учение сводится к базовой передаче изначального символа широким слоям населения. Сами образы становятся общественно доступными и осмысленными как идеологами, так и государственными институтами. Цели существования общества становятся предельно понятными: построение общества на основании базовой ценности, выраженной через символическую политику [Скочилова, 2012: 98].

Опускаясь на уровень политических практик, мы видим, что идеологический дискурс также строится на базовом символе идеологии. Все агитационные материалы, учения и пропаганда используют образ, заложенный вокруг базового символа. Сам символ в данном ключе несет просветительские функции, объясняя людям, почему совершаемые правительством действия являются благом. Помимо этого, символы выполняют этические функции, разделяя общество по принципу «свой–чужой».

На этом моменте необходимо остановиться поподробнее. Любая политическая идеология разделяет общество на своих (хороших) и чужих (плохих). Само разделение строится на отношении к базовому символу или ценности [Соловьев, 2011:1]. Так, например, в Советском Союзе при базовой ценности «социальной справедливости» основополагающим символом стал образ «рабочего», социально и экономически угнетаемого; врагами, напротив, стали те, кто его угнетают, то есть капиталисты и помещики. Строящиеся образы необходимы для определения врага как субъекта, мешающего достижению благой цели. В тех случаях, если врага нет, то политическая идеология создает его искусственно, борясь уже не с конкретными группами, а просто с идеологически несогласными людьми. В свою очередь, образы «своих» конструируются на безгрешности и идеальности своей группы, дабы показать идеальность и утопичность своих убеждений. Чаще всего в качестве показательного примера находится личность, которая возводится в образ либо святого проповедника (для социалистической идеологии это Владимир Ленин), либо мученика (для идеологии неолиберализма — Джордж Флойд). Символический дискурс в данном ключе несет религиозный характер, где «наш» пророк борется за «наш» идеал против вражеских ценностей и образов.

Рассмотрим наиболее популярные в России политические идеологии через призму символических структур.

Либерализм. В современном мире идеология либерализма находится в очень непростом положении. С одной стороны, либерализм как политическая идеология победил своих основных оппонентов в лице фашизма и социализма. С другой стороны, оставшись наедине с собой, идеологи либерализма начали задавать вопросы о дальнейшем развитии не только политической идеологии, но и развитии политики как системы в рамках международных отношений. Либерализм как идеология не смог утвердиться во всем мире, помимо этого появилось определение «нелиберальной демократии», в основе которой стоял принцип национальных интересов общества, а уже потом права и свободы индивида. В результате идеология либерализма все равно обзавелась врагами, правда не в лице других идеологий, а в лице противников либерализма [Плетнев, 2010: 354]. Символами в идеологии либерализма выступает образ свободы и все производные из этого образа символы. Образ свободы выступает как незыблемое право индивида, которое необходимо защищать как от внешних, так и от внутренних врагов, а также нести данную ценность тем, у кого ее еще нет.

Социализм. Идеология социализма носит более агностический характер, нежели либерализм. В данной идеологии более ярко выражены позиции «свой — чужой». В центре идеологии лежит вопрос о справедливом распределении общественного блага среди всех участников общества; по мнению социалистов, общественные блага необходимо распределять равномерно, а, следовательно, «своими» будут экономически и социально притесняемые слои населения, «врагами» будут те, кто притесняют [Миронов, 2010: 6]. На этих тезисах и строится восприятие политики через политические символы. Демонстрируются образы утопического справедливого общества, где все равны — «хорошие рабочие», которые стремятся к построению данного общества, и «буржуи», которые этому обществу противостоят.

Консерватизм. В основе идеологии консерватизма лежит принцип сохранения существующих общественных парадигм, выраженных через культуру, язык и религию. На основании этого выстраивается антагонистическая парадигма, где «свои» политические ценности необходимы для сохранения существующих идеалов и защиты культурных норм, а ценности «врагов» представлены как ценности, направленные на разрушение существующих устоев и на замещение этих устоев деструктивными образами и ценностями.

Таким образом, политические идеологии представляют собой набор ценностей, выраженные через символы. Сами символы выполняют функцию передачи смысла центральной ценности формирующей идеологии. Из чего можно сделать вывод, что любая политическая идеология представляет собой иерархию символов, определяющих принципы построения идеального общества. Стоит отметить и то, что символы в идеологии несут разделительные функции, разделяя все общество, а также внешнеполитическую среду, по принципу свой–чужой.

Список литературы

- Кармадонов О. А.* Социология символа. М., 2014.
- Миронов С. М.* Социалистическая идеология в современном мире. Социализм и Россия // Социология власти. 2010. № 3. С. 6–17.
- Плетнев А. В.* Кризис либеральных ценностей как фактор аномии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 124. 2010. С. 353–357.
- Скочилова В. Г.* Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С. 93–102.
- Соловьев А. И.* Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 1–5.

РАЗДЕЛ II

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И ОБРАЗЫ «ЧУЖИХ» В ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

ИСПАНЦЫ В НОВОМ СВЕТЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА В ДНЕВНИКАХ УЧАСТНИКОВ АНГЛИЙСКИХ КРУГОСВЕТНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКА

Михеев Дмитрий Владимирович

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: Tankred85@mail.ru

Аннотация. Сообщения о бесчинствах испанцев в Новом Свете являются неотъемлемой частью «черной легенды», формируемой английскими авторами. Основными элементами негативного восприятия испанцев участниками английских кругосветных экспедиций выступают религиозные заблуждения, коварство, трусость и жестокость.

Ключевые слова: «черная легенда», кругосветные экспедиции, образ врага, Новый Свет.

Один из наглядных исторических примеров формирования образа врага — становление в английском обществе представления об испанцах как основных врагах и соперниках английской нации. Образ врага начинает формироваться в Англии во второй половине XVI столетия, на фоне обострения отношений с католической Испанией. Этому способствовали многочисленные конфликты в Европе и Новом Свете, ускорившие формирование испанской «черной легенды» накануне войны 1585–1604 гг. Одним из важнейших инструментов английской пропаганды в рассматриваемый период выступают многочисленные травелоги — дневники экспедиций

и отдельные свидетельства о ходе путешествий, совершаемых подданными английской королевы.

Среди многочисленных английских экспедиций к землям Нового Света особняком стоят кругосветные экспедиции последней четверти XVI столетия. Именно в этот период английские корабли смогли преодолеть Магелланов пролив и проникнуть в воды Тихого океана — «Испанского озера», региона, где господствовали подданные Филиппа II [Spate, 1979: 239–264]. Первой и самой известной является экспедиция английского корсара и первооткрывателя Фрэнсиса Дрейка, состоявшаяся в 1577–1580 гг., накануне открытого англо-испанского конфликта. Дневники участников первой английской кругосветной экспедиции, а также описания путешествия, подготовленные для публикации и распространения среди читающей публики, были проникнуты идеей борьбы английской нации за богатства Нового Света и стран Востока. Образ испанца-врага, фанатичного католика и жестокого поработителя занимает в них особое место. Однако действия Дрейка и его спутников разворачиваются в период официального мира между державами, в силу чего открытой ненависти к испанцам в сочинении мы не встречаем. Дрейк и его люди стремились продемонстрировать не только силу своего оружия, но и превосходство над своим врагом в социокультурном отношении [Пастушенко, 2009: 62]. Действуя против испанцев, Дрейк старался придерживаться морального стандарта, принятого в английском обществе, и создавал себе соответствующую репутацию благородного джентльмена [Пастушенко, 2008: 51].

Английские описания последующих экспедиций, предполагавших повторение путешествия Дрейка, в значительной степени воспроизводят заложенные в прежних сочинениях образы. Однако мы должны учитывать, что экспедиции Томаса Кавендиша, Ричарда Хокинса и других английских капитанов, рискнувших провести свои корабли через Магелланов пролив, совершались в условиях начала открытой англо-испанской войны, когда ожесточение борьбы с испанской угрозой становится более явным, а агрессия зачастую не скрывается. Образ испанцев эволюционирует на фоне войны.

Во время экспедиции Дрейка английский капитан действует с санкции королевы, чтобы, как сообщают участники экспедиции, отомстить за обиды, нанесенные ей испанским монархом [Vaux, 1854: 215]. Таким образом, в условиях мира между двумя державами мотивами действий Дрейка выступают служение своей королеве и благородная месть за обиды, нанесенные ей. Однако необходимо

помнить, что повод для мести имелся и у самого Дрейка, пострадавшего от нападения испанцев в порту Сан-Хуан-де-Улуа в сентябре 1568 г. Действия англичан в ходе первой кругосветной экспедиции неизбежно должны были привести к международному конфликту. Неудача экспедиции, по словам Дрейка, стала бы позорным пятном для всей страны и поводом для насмешек ее врагов в Испании и Португалии [Vaux, 1854: 216].

Однако вражда, существующая между англичанами и испанцами, еще не переходит крайней черты, во всяком случае со стороны людей Дрейка. Пленников, захваченных в море, англичане отпускают на волю, конфискуя только ценный груз и необходимые им припасы. Кавендиш спустя десять лет, ведя открытую войну с испанцами, не шадит противника, а захваченные корабли и поселения предаст огню.

Один из наиболее важных элементов демонизации образа испанцев — описание их коварства. Доверять им полностью, по мнению англичан, невозможно. Говоря о внешнем облике жителей Патагонии и Магелланова пролива, капеллан экспедиции Флетчер подчеркивает лживость испанцев, скрывающих от прочих европейцев правду о Новом Свете: «Испанцы не думали, что когда-то какой-нибудь англичанин придет сюда, чтобы обличить их в этой и, возможно, другой более наглой лжи» [Vaux, 1854: 60].

В описаниях экспедиции Кавендиша мы неоднократно встречаем примеры, когда мягкое отношение к испанским пленникам заканчивается предательством: это и случай с испанцем, бежавшим от англичан во время стоянки [Hakluyt, 1904: 323], и попытка испанского штурмана оповестить жителей Манилы об опасности, исходившей от англичан [Hakluyt, 1904: 331–332].

Пытаясь действовать как благородный разбойник, мстящий за обиды своей госпожи и возмещающий свои потери от действий испанцев, Дрейк был мягок и благожелателен к своим пленникам. Мы не встречаем упоминаний о гибели испанцев в ходе экспедиции от его рук. Дрейк демонстрирует свои учтивость и благородство, оставляя испанцев «погостить» на борту «Золотой лани» и разделить с ним трапезу [Михеев, 2017: 131]. За изъятые ценности Дрейк нередко вручает небольшие подарки [Nuttall, 1914: 160; Vaux, 1854: 111]. Действия эти можно рассматривать как злую шутку со стороны корсара, дарившего пленникам недавно похищенные у них же вещи или дешевые английские товары, подготовленные для обмена с индейцами. С другой стороны, есть более прозаичное объяснение столь щедрого поведения. Трюмы английского корабля заполнились

сокровищами настолько, что от некоторых припасов приходилось избавляться.

В то же время Кавендиш предпочитает добывать информацию у пленников любыми доступными способами, не гнушаясь пытками. Захватив манильский галеон, он смог погрузить на борт своих кораблей только часть добычи. Чтобы ценный груз не достался врагу, корабль и все оставшиеся товары (до 500 тонн разнообразных восточных товаров) было приказано сжечь [Hakluyt, 1904: 323].

Еще один фактор, игравший не последнюю роль в разжигании конфликта и формировании негативного образа испанцев, — это религия, влияние которой в эпоху религиозных войн не стоит принижать. Отношение членов экипажа Дрейка к католикам неоднозначно. Англичане бесцеремонно обходились с католическими религиозными символами, насмехались над обычаями и религиозными убеждениями испанцев, демонстрируя неприязнь к проявлениям католицизма. С другой стороны, далеко не все члены экипажа одобряли подобные действия. Отношение к пленникам-католикам со стороны англичан обычно было отмечено удивительной сдержанностью [Михеев, 2017: 130]. Среди спутников Кавендиша мы уже не встречаем даже доли сочувствия к испанцам-католикам. Наоборот, любые католические символы, церкви и алтари при первой возможности уничтожаются, а католические священнослужители подвергаются истязаниям или даже предаются смерти.

Жестокость испанцев — это отдельная причина для их осуждения, способ продемонстрировать бесчеловечность и тиранический образ правления испанских и португальских колонизаторов в Новом Свете. Участники экспедиции Дрейка отмечают в своих дневниках, что именно обращение европейцев испортило и обозлило индейцев [Vaux, 1854: 61, 68–69], и только жестокое и тираническое правление держит туземцев в повиновении [Vaux, 1854: 104]. Кроме того, необоснованную жестокость испанцы проявляют к европейцам, оказавшимся в Новом Свете, с которыми они не способны вести благородную борьбу как с равными противниками. Примером варварского обращения служит судьба английского матроса из числа спутников Дрейка, захваченного испанцами на берегу. Его не только жестоко умертвили, но и надругались над трупом, что, по мнению Флетчера, было проявлением кровожадности и коварства врага, страхом испанцев перед возможностью любого иностранного вторжения [Vaux, 1854: 103].

Жестокость испанцев может контрастировать с их ироничным описанием. Случай с ограблением спящего на берегу у слитков

серебра испанца [Vaughan, 1854: 105] может служить аллегоричным описанием огромной колониальной империи короля Филиппа II. В середине 1580-х гг. Томас Кавендиш демонстрирует несвойственную ему жалость, спасая одного из последних выживших колонистов в Магеллановом проливе, настолько бедственным казалось его положение. Английский автор дневника экспедиции полагает, что произошедшее с испанцами — кара Господня [Hakluyt, 1904: 298–299].

Впрочем, в 90-е гг. XVI в. мы встречаем более взвешенное описание противника. Образованный молодой капитан Ричард Хокинс, одним из последних среди англичан попытавшийся пересечь Магелланов пролив, демонстрирует более сдержанный и объективный образ врага в своем сочинении. Он отмечает превосходное мастерство испанских и португальских моряков в управлении кораблем, подчеркивая, что здесь они могут поспорить даже с англичанами [Hawkins, 1847: 84]. Хокинс восхищается дисциплина испанцев, чем, на взгляд английского капитана, не всегда могут похвастаться его соотечественники [Hawkins, 1847: 103–104]. Продолжительный военный конфликт не только способствует ускорению формирования образа врага, но в отдельных случаях заставляет проявить уважение к достойному и сильному противнику, у которого можно чему-то научиться.

Таким образом, мы можем проследить эволюцию образа испанцев в дневниках английских кругосветных экспедиций на протяжении почти двух десятилетий. От обескураженного, жестокого и трусливого противника, с которым, впрочем, нет необходимости проявлять излишнюю жестокость у спутников Дрейка, к исконному врагу, с которым нельзя идти на компромисс и сделку у спутников Кавендиша, и наконец — более взвешенный и объективный образ в сочинении Ричарда Хокинса.

Список литературы

Михеев Д. В. Образ врага: испанцы в сообщениях участников кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(86). Ч. 3. С. 129–132.

Пастушенко А. О. Об оценке репутации пирата в западноевропейском обществе (XVI в.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2008. № 11. С. 49–56.

Пастушенко А. О. О функции игры в жизни пиратов Западной Атлантики XVI–XVIII вв. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія». 2009. № 852. Вип. 41. С. 59–69.

Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques & Discoveries of the English Nation Made by Sea or Over-land. Vol. 11. Glasgow: J. MacLehose and Sons, 1904.

Hawkins R. The Observation of Sir Richard Hawkins, Knight, in His Voyage into the South Sea in the Year 1593. L.: Hakluyt Society, 1847.

New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580 / ed. by Z. Nuttall. L.: Hakluyt Society, 1914.

Spate O. H. K. The Spanish Lake. Canberra: Australian National University Press, 1979.

The World Encompassed by Sir Francis Drake / ed. by W. S. W. Vaux. L.: Hakluyt Society, 1854.

БОРЬБА ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ С СИМВОЛИКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ НАКАНУНЕ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 г.

Киселев Александр Александрович

Белорусский государственный экономический университет

e-mail: kiselev_aa@list.ru

Аннотация. Накануне Январского восстания 1863 г. в белорусских губерниях политический протест проходил под польскими национальными символами. Правительство создало полицейские суды для борьбы с проявлениями протеста правовыми методами. Однако в условиях политического конфликта эта мера оказалась неэффективной.

Ключевые слова: полиция, политическая символика, Январское восстание 1863.

Накануне Январского восстания 1863 г. по всем западным, в том числе белорусским, губерниям прокатилась волна манифестаций и иных оппозиционных действий в знак солидарности с протестом жителей Царства Польского. Эти акции сопровождалось активным использованием символики и символически окрашенных действий: пением гимнов, ношением польской традиционной одежды (конфедераток, чамарек) и знаков траура в память о погибших в Варшаве, использованием булавок, заколок, выполненных в форме польского геральдического орла. В глазах властей публичная демонстрация знаков протеста символизировала сочувствие «к той эпохе, когда этот край <...> находился временно в составе бывшего

Польского королевства» [Об учреждении, 1863: 221]. Очевидно, что правительство не могло не реагировать на распространение протестной символики, с которой пришлось бороться прежде всего чинам общей полиции.

5 августа 1861 г. было принято решение о создании полицейских и временных апелляционных судов, целью которых стала борьба с проявлениями оппозиционных настроений части населения белорусских губерний [Об учреждении, 1863: 221–225]. Полицейские суды, несмотря на их название, зависели от полиции лишь в том, что обвинительные дела передавались в суд по инициативе чинов полиции. Решение о возбуждении дела принималось стряпчим или комиссаром от правительства. Чиновники полиции выступали в качестве свидетелей в суде под присягой по требованию подсудимого. 10 августа 1861 г. начальники губерний были снабжены инструкцией, в которой предписывалось отдавать под суд в первую очередь наиболее влиятельных и состоятельных застрельщиков беспорядков. На них у полиции должны быть убедительные и бесспорные доказательства, чтобы «предупредить попытки парализовать действия судов, посредством слишком значительного числа подсудимых» [Дело, 1863: 226].

Однако практика судопроизводства показала их неэффективность, поскольку значительный процент подсудимых оправдывался, а сами штрафы и административные наказания были преимущественно легкими. В свою очередь, полиция не только теряла авторитет в глазах жителей, но и утрачивала веру в силу применяемого наказания. По крайней мере, в своем письме министру внутренних дел от 24 октября 1861 г. минский губернатор Э. Ф. Келер констатировал, что полицейские суды «не достигают и не могут достичь той цели» [Паўстанне 1863–1864 гадоў, 2014: 46]. Такая же ситуация сложилась в Могилевской губернии, в которой суд открылся 12 сентября 1861 г. Так, при вызове полицией обвиняемых «в полицейский суд с трудом находят свидетелей, а в опровержение их показаний охотно принимают на себя свидетельство многие лица в пользу обвиняемых, чрез что полицейский суд не достигает своей цели» [Революционный подъем, 1964: 606]. Неэффективность полицейских судов в преследовании приверженности идеям польского национального движения была очевидна почти всем представителям администрации. В своем отчете от 1 декабря 1861 г. начальник IV округа корпуса жандармов генерал-майор А. М. Гильдебрант констатировал, что стремление устанавливать «наказания за политические проступки законностью и гласностью при скором ходе процесса» в полицейских

судах завершилось неудачей. Причина заключалась в саботаже законности из соображений политической борьбы и солидарности. Так, «если полицейский чиновник укажет, например, лицо, участвовавшее в пении возмутительного гимна в костеле, и представит двух в том свидетелей, то обвиняемый укажет 10 или более других, которые смело присягают (имея на то разрешение ксендзов), что обвиняемое лицо в костеле не было, а находилось во время пения гимна в таком-то доме» [Революционный подъем, 1964: 74].

Несмотря на многочисленные донесения о неэффективности судов, они, по всей видимости, не оказали влияния на Министерство внутренних дел. По крайней мере, в апреле 1862 г. виленский генерал-губернатор В. И. Назимов направил аналогичное по содержанию отношение на имя министра внутренних дел. В нем констатировалось, что применение полноценной судебной процедуры в условиях негативного отношения к властям «не только не приносит никакой существенной пользы, но напротив, вследствие ухищрения руководителей участников манифестаций, не имея возможности подвергать виновных заслуженному взысканию, в глазах местного населения бесполезными действиями своими ослабляет правительственную власть» [Переписка, 1913: 63]. В частности, на показания чинов полиции легко находились лжесвидетели в пользу нарушителя, чьи заявления приводили к тому, что «свидетель чиновник полиции, должен выйти из судейского присутствия со стыдом и осмеянный» [Переписка, 1913: 61]. Отнюдь неслучайно генерал-губернатор предлагал свести к минимуму процедуру, сразу же представляя к суду задержанных под арестом без привлечения свидетелей на основании показаний полицейских, ограничив перечень обвинений лишь делами о ношении оппозиционной символики и пении гимнов. В подтверждение слов генерал-губернатора обращает на себя внимание высокий процент оправданных полицейскими судами. Так, с момента создания полицейских судов в Виленской губернии по апрель 1862 г. из 81 привлеченных к суду осуждены были лишь 14 (17%) человек; в Гродненской — 1 (12,5%) из 8 [Переписка, 1913: 62]. Однако и в последующем положение принципиально не изменилось. По крайней мере, в ведомости от 10 июля 1862 г. по Виленской губернии было привлечено к суду 107 чел., а осуждено — 16 (15%), в Гродненской губернии — 6 (40%) из 15 [Дело, 1863: 22]. Согласно сведениям минского временного военного губернатора от 13 апреля 1862 г., из 122 привлеченных к суду осуждению подверглись 68 чел. (56%) [Дело, 1863: 5–6]. В Могилевской губернии согласно отчету от 14 августа 1862 г. из 42 человек под суд пошло 19 (45%)

обвиняемых [Дело, 1863: 23]. В Витебской губернии на момент 13 апреля 1862 г. к полицейскому суду не привлекли ни одного человека.

4 апреля 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев довел до виленского генерал-губернатора решение Западного Комитета, согласно которому апелляционный суд должен был проверять приговоры на предмет упущений или злоупотреблений чиновников нижестоящего суда. При этом признавалось, что «низшие полицейские суды не принесли до сих пор всей ожидавшейся от них пользы, потому что члены сих судов не везде исполняли в точности свои обязанности» [Переписка, 1913: 352]. Однако с прибытием в край нового генерал-губернатора М. Н. Муравьева вопрос о совершенствовании работы судов отпал сам собой, поскольку повсеместно было введено военное положение. 31 мая 1863 г. начальник Виленской губернии, а 7 июня 1863 г. прочие губернаторы получили дополнение к Инструкции для устройства военно-гражданского управления, в которой прописывались меры наказания по отношению к лицам, демонстрирующим протестную символику [Муравьев, 1866: 109–110]. Санкция налагалась в административном порядке, а в случае неоднократного рецидива виновное лицо предавалось военному суду.

В целом, следует отметить, что с самого начала политических волнений в белорусских губерниях общей полиции не удавалось пресечь использование символики политического протеста. Используя правовые методы, полиции не удалось принудить население к соблюдению внешней лояльности. Практика полицейских судов показала принципиальную невозможность успешной борьбы с политическим протестом накануне Январского восстания 1863 г. без применения легального насилия и отказа от идеи последовательного соблюдения гражданских прав подданных империи. Особенности процессуального права в полицейских судах по большей части безнаказанно использовались протестующими против авторитета полиции и власти. Однако превращение права в инструмент политической борьбы обернулось против сторонников польской независимости. Введение военного положения вследствие неспособности удержать ситуацию под контролем привело к тому, что практически неизбежное наказание за демонстрацию оппозиционности выносилось по упрощенной процедуре на основании лишь материалов дознания. В этих условиях символы протеста достаточно быстро исчезли из публичного пространства.

Список литературы

Дело о введении в 9 западных губерниях управления аналогичного с управлением в центральных губерниях России // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 334.

Муравьев М. Н. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863–1864 / Сост. Н. Цылов. Вильна, 1866.

Об учреждении полицейских судов в западных губерниях // ПСЗРИ. Собр. 2-е. 1863. Т. XXXVI. № 37327.

Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы гістарычнага архіва Беларусі / уклад. Дз. Ч. Матвейчык; рэдкал.: У. І. Адамшук [і інш.]. Мінск, 2014.

Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. / Сост. А. И. Миловидов. Вильна, 1913.

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. / Предисл. Ю. Жюгжды и С. Лазутка. М, 1964.

ПОЗИЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ» В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 гг.: СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ САТИРИЧЕСКОЙ ГРАФИКИ

Кочукова Ольга Викторовна

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется журнальная сатирическая графика периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор рассматривает особенности создания в политической карикатуре образа «наблюдателя» применительно к позиции, занятой накануне и в период войны европейскими державами. Проводится сопоставление особенностей сатирического изображения «европейского наблюдателя» в российской, британской, австрийской и немецкой прессе.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Восточный вопрос, сатирическая печать, политическая карикатура.

Восточный вопрос в XIX веке был своего рода средоточием международной политики, так как затрагивал в той или иной степени интересы всех великих держав и понимался как вопрос

о стратегическом лидерстве. Информационное противостояние по поводу Восточного вопроса нашло отражение на страницах европейской и российской прессы. В этом противостоянии большая роль отводилась сатирическим журналам с карикатурами. Среди персонажей карикатур всегда были представлены, помимо России, Турции и славянских народов, европейские великие державы.

В России почвой для расцвета политической журнальной карикатуры стал рост «славянского движения». В общественном мнении крепла убежденность в том, что единственной защитницей балканских славян является Россия, а западные державы своей официальной политикой нейтралитета и поддержкой реформ в Турции фактически препятствуют славянской свободе. В пространстве информационных атак российской стороны в «журнальных войнах» на первом месте оказалось противопоставление бескорыстной освободительной миссии России корыстной «политике интересов» европейских держав [Кочукова, Кочуков, 2021: 83291].

Ведущей темой русских карикатуристов было разоблачение корыстных интересов британской и австрийской политики, персонифицированной в образах Б. Дизраэли и Д. Андраши [Виноградов, 2004: 155]. Сюжеты карикатур убеждали читателей в том, что «турецкие зверства» были возможны только вследствие позиции, занятой европейскими политиками. Она была представлена как позиция «наблюдателя», при невмешательстве, попустительстве и покровительстве которого происходит ненаказуемое зло. Множество карикатур, посвященных позиции европейского «наблюдателя», было вызвано вопросом, волновавшим все русское общество накануне войны 1877–1878 гг., об участии или нейтралитете европейских государств; типичное название таких карикатур — «Друзья или враги?»

Вопрос об участии или о нейтралитете европейских государств в предстоящей войне России и Порты постоянно витал в воздухе, и журнал «Будильник», так же, как и многие другие периодические издания, не раз обращался к этой теме. В 1876 и 1877 гг. на страницах сатирического издания появляется несколько фактически однотипных карикатур, где поднималась проблема участия европейских государств в возможном военном противостоянии России и Турции. Например, в № 30 за 1876 г. «Будильник» предсказывал участие Великобритании и Австро-Венгрии в войне на стороне Османской империи. Россия в данном случае представлена в образе добродушного былинного богатыря, который, облокотившись на меч, поджидает подхода турецкого султана Абдул Гамида (Абдул Хамида II) и двух его

«друзей», Дизраэли и Андраши, которые обнажили сабли и в боевом порядке двигаются в сторону Российской империи. Карикатура «Между друзьями и врагами» сходна с предыдущим эстампом с той лишь разницей, что в образе России представлен русский крестьянин, а к «друзьям» Турции — Великобритании и Австро-Венгрии — присоединилась еще и Германия. Но, как видно из рисунка, Великобритания, Австро-Венгрия и Германия благоразумно держатся в стороне и из-за угла наблюдают за происходящим.

Попытки проставить акцент на определяющее значение европейских игроков большой политики, влияющих разными способами на Турцию, совершенно типичны для русских сатирических журналов. Характерна обложечная карикатура «Развлечения» в № 41 за 1877 г. Османская империя представлена в облике канатоходца, который с помощью шеста-балансира (Восточного вопроса) пытается преодолеть пропасть между двумя потенциальными союзниками: «англичанами» и «мадьярами». У каждой из стран, вовлеченных в конфликт, были свои интересы и задачи. Вот и в конкретном случае Османская империя должна была балансировать между британскими интересами и симпатиями Австро-Венгрии. Эстамп сопровождается стихотворным пояснением: «По канату с *Восточным вопросом*, при поддержке Мадыар, Англичан, / Переходит через пропасть Осман — / И, пожалуй, останется с носом». Карикатуристы всякий раз подчеркивали, что интересы Турции в сущности совершенно не учитывались, и по большому счету европейским странам было все равно, что станет с некогда грозной Турцией.

Столь же характерно и стремление европейской карикатуры представить позицию своей страны в роли «наблюдателя», а не непосредственного участника военно-дипломатического конфликта. В целом Балканский кризис содействовал росту, оформлению и закреплению национальных стереотипов и стратегий враждебности. Зачастую одни и те же стереотипные образы восприятия «Другого» и мотивов его поведения в международных вопросах использовались для вынесения разных оценочных суждений по отношению к внешнеполитической позиции той или иной страны в Восточном вопросе. Так, в сюжетах российских карикатур европейские доктора «залечивают насмерть» Турцию, которая при их же попустительстве терзает балканские народы, а в сюжетах европейских — русский Медведь [Цыкалов, 2012: 107; Успенский, Россомахин, Хрусталеv, 2016: 15] доламывает «гнилое дерево» (Турцию) при попустительстве Великобритании и Австро-Венгрии, проявляющих то ли

нерешительность, то ли медлительность, рассчитанную на оправдание собственных далеко идущих планов.

Вся европейская карикатура периода Балканского кризиса 1875–1878 гг. выделяла аспект соперничества России и Великобритании в качестве основного, определяющего фактора международных отношений: постоянной темой является соперничество британского Льва и русского Медведя [Сергеев, 2012: 136].

Оценочное отношение русских и европейских карикатуристов к позиции «наблюдателя» в отношении европейских держав в период Балканского кризиса 1870-х гг. отличается тонким различием разнообразия конкретных проявлений той же самой позиции. В пространстве информационных атак российской стороны позиция, занятая европейскими политиками, была представлена как позиция корыстного «наблюдателя», при невмешательстве, попустительстве и покровительстве которого Турция угнетала славянские народы. Британский «наблюдатель» — это сдержанный и прагматичный политик, исходящий из приоритета собственных интересов; австрийский «наблюдатель» — самый заинтересованный, имеющий жизненно важные интересы на Балканах, умеющий мастерски играть сложные партии в «европейском концерте»; германский «наблюдатель» попытался примерить на себя роль «арбитра», используемую для самоутверждения в большой политике.

Достоин отдельного упоминания то, что общей тенденцией журнальной политической карикатуры периода Балканского кризиса 1870-х гг. стало стремление разворачивать «кривое зеркало» сатиры со стороны «Другого» на самого себя. «Самокритика» проявила себя в иронии, обращенной к изображению внешнеполитической позиции собственной страны. Так, в зеркале британской «самоиронии» нашла отражение растерянность общества перед необходимостью пересмотра под воздействием непреодолимой силы международных и внутренних обстоятельств устоявшихся принципов и приоритетов внешней политики, а в зеркале австрийской «самоиронии» отразились сомнения в успешности политики лавирования между различными вариантами понимания соотношения национального развития Австро-Венгрии и славянских государств и плохо скрываемые опасения относительно способности России «опередить» австрийскую политику на Балканах.

Список литературы

- Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. М., 2004.
Кочукова О. В., Кочуков С. А. Россия и Балканский кризис 1875–1878 гг.: сатирическая графика в «журнальных войнах». Саратов, 2021.

Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

Успенский В. М., Россомахин А. А., Хрусталева Д. Г. Медведи, Казаки и Русский мороз. Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб., 2016.

Цыкалов Д. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX — начала XX века // «Русский медведь». История, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М., 2012.

ОБРАЗ СЛАВЯНСТВА В РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ ПЕРИОДА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

Кочуков Сергей Анатольевич

Государственный архив Саратовской области

e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется политическая карикатура периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор рассматривает особенности создания в сатирической графике образа славянства. Выявляются характерные для русской и европейской карикатуры сюжеты и образы, отмечаются общие черты и различия в понимании политической роли южнославянских народов в решении Восточного вопроса.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Восточный вопрос, сатирическая печать, политическая карикатура.

Славянская тема периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стала ведущей в политических разделах газет и журналов, и ее непременно сопровождали визуальные образы в графике. В многочисленных произведениях графики, опубликованных на страницах газет и журналов, утверждался образ справедливой, благородной и жертвенной, освободительной войны за свободу братьев-славян и за православную веру [Кочукова, 2018: 156]. В направлении формирования образов угнетенных славян и их мужественных и благородных освободителей (армии и общества Российской империи) применялись как возвышенно-трагические, а порой и пафосные, изобразительные приемы батальной живописи, так и новое, предьявленное реализмом, требование правдивости. Но

в отношении создания образа врага (турок-угнетателей и разжигающих их воинственность европейских политиков) явным преимуществом обладали средства сатирической графики [Кочукова, Кочуков, 2018: 135]. Общественный интерес к карикатурным образам политического противостояния в балканских пределах Османской империи подогревался не только первостепенной значимостью Восточного вопроса в международных отношениях этого периода, но и фактором исторической памяти, так как ни с одной страной Россия не вела столько войн, как с Турцией, и «экзотикой» ориенталистского дискурса, расцвеченной, например, российской мемуаристикой о войнах 1828–1829 гг. и 1853–1856 гг. [Таки, 2017: 159]

Идейно-политический, культурный и дипломатический контекст Балканского кризиса 1875–1878 гг. находил свое отражение в журнальной сатирической графике России, Великобритании, Франции, Австро-Венгрии, Германии; политическая карикатура была не только «зеркалом», по-своему отражавшим ситуацию на Балканах, но и «оружием», непосредственным центром формирования концепций и конструкций информационной войны.

Почвой для расцвета политической журнальной карикатуры стали общественные настроения периода Балканского кризиса 1875–1878 гг. и рост «славянского движения». Турция в российской сатирической графике изображалась, прежде всего, как угнетатель славянства; славянство было представлено в пассивно-страдательном образе «Балканской мученицы», единственным защитником которой выступал «русский витязь». Характерной и общей для всех российских сатирических журналов было соотношение двух проявлений образа врага России и славянства: всегда отмечалась полная зависимость «восточного врага» (Турции) от «западного».

Изображение «турецких зверств» по отношению к несчастным славянам на страницах известного журнала «Будильник» выходит за пределы собственно сатирической графики; эти рисунки нельзя в полном смысле слова назвать карикатурами. Характерным примером являются размещенные в «Будильнике» рисунки «Турецкое *геройство* на Балканском полуострове» и «Болгарин и Турок». Они были направлены на создание визуальной картины репрессий в районах славянского повстанческого движения и изображали бесчинства банд башибузуков, резавших женщин, отнимавших детей у матерей. Изображенные художником грубость и бесчеловечность, средневековая жестокость, лужи пролитой крови и почти слышимые вопли о помощи терзаемых беззащитных жертв формировали

у читателей журнала чувство справедливого возмущения и негодования.

Визуализация образа славян на страницах «Будильника» была сопряжена с пассивно-страдательным образом *мучеников* и *мучениц*, данным в резком контрасте с бесчеловечными образами турок-мучителей. Почти всегда русские карикатуристы делали акцент на том, что «турецкие зверства» происходили при попустительстве европейских держав, занявших позицию нейтралитета или «невмешательства», прикрывавшую стремление к достижению собственных интересов в Восточном вопросе.

Трактовка образа славянских народов в политической карикатуре западноевропейских сатирических журналов значительно отличается от российской позиции. Чаще всего европейские карикатуристы использовали зооморфные образы, а сюжеты самих рисунков были направлены на демонстрацию зависимости балканских славян от Российской империи. Английский журнал “Punch” и немецкий “Kladderadatsch” изображали славян в облике агрессивных собак, которые лишь ждали момента, чтобы сорваться с русского поводка и броситься на турок. Цивилизационно-принижающий дискурс ориентализма постоянно давал себя знать. Английские карикатуристы в равной степени придавали черты «восточной» грубости и дикости, как туркам, так и русским, наряду с балканскими славянами.

В европейской карикатуре славяне часто изображались в роли униженных просителей, ждущих от России материальной и военной помощи. Ближе к окончанию Русско-турецкой войны образ славянства в европейской карикатуре был несколько переосмыслен. Образ славянина разительно отличается от российских карикатур этого периода. Читатель не встречал столь характерного для русской прессы благодарного славянина, который дождался своего освобождения. Напротив, перед его глазами возникала картина полностью разрушенных славянских селений, дополненная озлобленным образом серба или болгарина, который ждал от войны чего угодно, только не разрушения своего крова. Карикатуристы явно стремились к обесцениванию результатов Русско-турецкой войны: они показывали, что славяне получили долгожданную свободу, но единственное, что им остается делать дальше, это идти с нищенским посохом и котомкой по миру.

Сопоставление политической карикатуры российской и европейской сатирической прессы периода Русско-турецкой войны приводит к выводу о том, что общим для них было определение политического значения славянских народов как объектов

направленного внимания и противоборства великих держав; им приписывалась в основном пассивная роль в военно-дипломатических событиях. Тем не менее эмоционально-оценочное отношение русских и европейских карикатуристов к созданию образа славянства серьезно отличалось и зависело от общего понимания целей и содержания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В русской карикатуре (журналы «Будильник», «Развлечение») преобладают образы славян-мучеников, поставленных в зависимость от османской агрессии и корыстных помыслов европейских политиков. В европейской карикатуре вначале представлены образы «просветителей», «обольстителей», «обманщиков», а затем — «разоренных жертв войны».

Список литературы

Кочукова О. В. Визуальные образы войны в творчестве В. Д. Поленова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 156–160.

Кочукова О. В., Кочуков С. А. Восточный кризис середины 1870-х гг. и славянский вопрос в изображении «Всемирной иллюстрации» // Национальные интересы и внешняя политика России: история и современность. Сборник материалов VI Всероссийской научной конференции. Самара, 2018.

Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017.

СИМВОЛЫ НАСИЛИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Купцова Ирина Валентиновна

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

e-mail: ivkuptsova@mail.ru

Аннотация. Массовая культура в годы Первой мировой войны стала одним из действенных средств мобилизации общества, выполняя задачи агитации и пропаганды. Изображение актов насилия (расстрел, вандализм, бомбардировки и т. д.) и его последствий (разрушения, смерть, раненые, беженцы, сироты и т. д.) в беллетристике, лубке, плакате, кинематографе вызывали в общественном сознании сострадание жертвам. Ненависть к врагу становилась почвой единения общества и государства.

Ключевые слова: Первая мировая война, насилие, массовая культура, мобилизация, образ врага.

Понятия «насилие» и «война» неразрывно связаны. Под насилием мы понимаем «отрицательно оцениваемое агрессивное действие, подчинение одних людей воле других, которое приводит к какому-либо виду ущерба, физическому (материальному) и (или) психологическому (духовному)» [Шагако, 2011: 302].

Война является как одним из видов насилия, так и формой его легитимизации. Это масштабный конфликт, участниками которого выступают государства или сообщества, социальные группы, имеющие политические цели, мотивы [Карпова, 2015: 35]. Насильственное вооруженное взаимодействие является обязательным признаком войны, которое ведет к гибели живой силы, к разрушению зданий, техники, инфраструктуры. Война делит мир на «своих» и «чужих», друзей (союзников) и врагов.

Первая мировая война отличалась от всех предшествовавших войн не только числом участников, но и масштабами насилия. Впервые в ходе нее были использованы новые виды вооружения, проводились массовые убийства мирных жителей, этнические чистки, геноцид. Ценой Первой мировой войны стали жизни миллионов убитых и раненых, массовые разрушения.

Мобилизация армии, перестройка экономики, решение специфических проблем военного времени требовали от правительств и общественности огромных усилий по формированию общественного мнения. Одним из действенных средств мобилизации общества является культура, а применительно к периоду Первой мировой войны — массовая культура, которая была привлечена к решению задач агитации и пропаганды.

Знаковая система войны концентрировалась вокруг «означаемого» насилия. Система «означающих» была связана с объектом насилия. Объектами насилия выступали: Россия, союзники, население в целом и захваченных территорий, социальные группы (этнические группы (например, поляки), беженцы, женщины, дети и т. д.), отдельный человек. Основным объектом насилия выступало Отечество (Родина), с которым прямо или косвенно были связаны все остальные объекты. Субъектом насилия являлся враг, демонизация которого стала главной задачей пропаганды.

Тема насилия нашла отражение в разных сферах массовой культуры: в беллетристике, лубке, плакате, кинематографе и др. Репрезентация насилия происходила через изображение актов насилия

(расстрел, вандализм, бомбардировки и т. д.) и его последствий (разрушения, смерть, увечья (раненые), беженцы, сироты).

Большой популярностью в годы войны пользовалась беллетристика. Произведения этого жанра публиковались в газетах, толстых журналах, а также в виде специальных сборников и альманахов. Все они издавались с благотворительной целью, доход от их продажи, как правило, шел на военные нужды. Их содержание определялось патриотическими настроениями авторов, которые выражались в нескольких сюжетах: героизм и мужество русских воинов, образ врага, страдание мирного населения, успешные военные действия России. «Чрезвычайно немного шаблонов существует для военного рассказа, — писал один из литературных критиков, — у любого портного больше выкроек, чем у марсианствующих беллетристов канвы выдумки. Если взять, например, жестокого немца, изнасилованную девушку, Реймский собор, Лувен, Калиш, пожары и грабежи, то этим исчерпывается вся отрицательно — трагическая сторона войны, весь ее роковой пафос...» [Ожигов, 1915: 196]. О мародерстве неприятеля, отравлении колодцев, немецком шпионаже писали тогда Вадим Белов («Рузя», «Под личиной», «Мародер»), Федор Фальковский («Немка»), Михаил Кузмин («Реплика») и др.

Исследователь лубочной литературы периода Первой мировой войны Б. Хеллман среди главных тем лубка выделял образ неприятеля, сатанинский характер вражеской силы [Хеллман, 1999: 303]. Лубочные листы и брошюры о «немецких зверствах» выпускались в Екатеринодаре, Киеве, Москве, Петрограде, Одессе, Самаре, Харькове большими тиражами. Адресованные «читателю из народа», они бесплатно распространялись среди солдат в армии, продавались в городах и деревнях. Характерные заголовки лубочных листов: «Турецкие забавы, или Магометкины зверства», «Страшные и дикие зверства немцев в последнюю войну» и т. д. При изображении врага в лубке использовались следующие приемы: масштабное преуменьшение фигур немецких, австрийских и турецких солдат («Беседа под Царьградом», «Удаль казака» и др.), частое изображение сцен бегства врага («Поражение немцев под Неманом», «Гибель германского крейсера «Магдебург» и др.); изображение противника раненым или убитым («Бой у Владимира Волынского», «Осада Перемышля» и др.); изображение врага в виде животных: псов, боровов, ослов, баранов, волков («Волк и ягненок», «Вильгельмовы скоты», «Европейские воры, пойманные с поличным» и др.); утрированное изображение Вильгельма (часто в виде исчадия ада —

«Враг рода человеческого», «Азартные игроки», «Вильгельм в преисподней» и др.).

В кинематографе фильмы-лубки в той же форме и теми же средствами рассказывали о немецких зверствах, пытались сатирически высмеять германскую армию и самого кайзера. Немецкие офицеры и солдаты показывались как исчадие ада, потерявшие человеческий облик. Изнасилование стало центральным материалом в таких фильмах («Антихрист», «В кровавом зареве войны» и т. д.).

Тема насилия в годы Первой мировой войны, транслируемая средствами массовой культуры, помогала одновременно решать задачи моделирования образа врага и усиления патриотических настроений. Репрезентация насилия давала возможность наряду со сложностями окружающей жизни вырабатывать привычку к трагизму происходящего вокруг, психологии военного времени. Образы насилия неизбежно вызывали в общественном сознании уверенность в неизбежном фактическом или нравственном наказании врага. Наконец, жертвы насилия вызвали сочувствие, сострадание, частная трагедия воспринималась как общая. Ненависть к субъекту насилия — врагу обостряла чувство общности, становилась почвой единения общества и государства.

Список литературы

Карпова Е. В. О понятиях насилия и войны в социально-философском дискурсе // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 4 (59). С. 33–37.

Ожигов А. (псевд. Ашешов Н. П.) О беллетристической мобилизации // Современный мир. 1915. № 9. С. 155–157.

Хеллман Б. Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.

Шагако Д. С. Война и насилие социально-философская характеристика взаимодействия // Вестник Костромского государственного университета. 2011. №. 1. С. 299–303.

«КОРОЛЬ, СВОБОДА И ЗАКОН»: ЖЕРТВА И СИМВОЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ — БЕЛЬГИЯ (по страницам российских публикаций периода Первой мировой войны)

Чикалова Ирина Ромуальдовна

Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка; Институт истории НАН Беларуси

Аннотация. В центре доклада находятся ответные реакции российских деятелей культуры на судьбу Бельгии, ставшей жертвой агрессии со стороны Германии в годы Первой мировой войны. Ими создавался образ Бельгии и ее народа, как символа мужества и сопротивления, проявившего силу и храбрость в неравном единоборстве.

Ключевые слова: Бельгия; Германия; Россия; Первая мировая война; периодика; литературные сборники.

4 августа 1914 г. Германия, объявившая войну России и Франции, вторглась в Бельгию. Наступление было стремительным. Уже 20 августа был взят Брюссель, а к 21 августа немцы вышли к границам Франции. Как жертва военного насилия Бельгия вызвала сострадание, а нарастающая ненависть к агрессору, войска которого на захваченных территориях вели себя подобно вандалам, захватившим Рим, вызвала сочувствие к ней. Особое возмущение вызвал погром, который немцы в конце августа устроили в Лувене — «бельгийском Оксфорде», культурном центре страны, где был разрушен университет, в огне погибло множество средневековых рукописей, хранившихся в университетской библиотеке. Ответная возмущенная реакция в России как на акт агрессии в отношении Бельгии, так и на воззвание, оправдывавшее его со стороны немецкой интеллигенции, была мгновенной и острой: в общественном сознании задолго до нападения на нее утвердилось представление о незыблемости статуса нейтрального государства, которым Бельгия обладала. 28 сентября 1914 г. в газете «Русские ведомости» было помещено воззвание писателей, художников и артистов «По поводу войны». В нем звучала тревога, что брошенное рукой Германии семя национальной гордыни и ненависти может перекинуться ожесточением к другим народам.

Бельгия сразу превратилась в символ ужаса войны. При этом она, хоть и жертва, но не беспомощная, не парализованная страхом, она — мужественная. Символом ее мужества стал молодой король Альберт — главнокомандующий бельгийской армией. Чтобы остановить продвижение немецкой армии, бельгийцы открыли шлюзы, взорвали плотины и затопили часть своей территории. В отражение этого события И. Е. Репин создает картину «Бельгийский король Альберт в момент взрыва плотины в 1914 году». На страницах «Голоса жизни» Е. П. Семенов отдавал дань мужеству бельгийцев: «Как бы ни закончилась война, маленькая Бельгия покрыла себя, во всяком случае,

и навсегда неуязвимой славой. Народ, в котором и король, и рабочий, крестьянин и купец, священник и воин, юноши и старцы, дети и женщины, все вместе, спаянные высшей доблестью и героизмом, творят легенду на глазах всего мира, этот народ заслуживает все громкие эпитеты, на какие только способен человеческий язык» [Семенов, 1914: 8–9]. Словами поэта Д. С. Мережковского открыл публицистическую брошюру «Бельгийская жертва» Ф. Г. Мускатлит: «Бельгийский народ, мы говорим тебе: мужайся, — ибо не может быть большего мужества, чем то, которое ты показал» [Мускатлит, 1914: 4]. На обложке брошюры Бельгия представляла в образе женщины, изображенной на фоне упавшего герба страны, опустившей в руке меч, в тело которой летят копыя. Посыл визуального образа — ее падение должно быть отомщено.

Потрясенный событиями начала войны писатель Л. Н. Андреев откликнулся на них несколькими очерками. Он предрекал победу союзнических армий: «Наступит некогда день — и в Берлин вступят войска союзных держав. Войдет русская армия. Огромная, серая и трудовая, спокойная и неторопливая, она идет долго по асфальтовому мостовым, отбивая привычный тяжелый шаг» [Андреев, 1914/1915: 3]. Символы родины для Бельгии — ее национальный гимн и повторяющиеся рефреном слова из него «Король, закон и свобода» — Л. Н. Андреевым были помещены в название его пьесы, посвященной королю Альберту [Андреев, 1914]. В основе ее сюжета история семьи писателя, поначалу не верившего, что на страну напали, горят библиотеки, разрушаются соборы — «войны нет, этого не может быть...». Но постепенно и их вилла погружается в хаос войны. И в момент отчаяния приходит решение о сопротивлении захватчикам.

Полиграфические возможности в начале войны еще позволяли оперативно издавать печатную продукцию, спрос на которую в связи с массовым патриотическим подъемом был значительным. В начале войны в столицах вышли литературно-художественные сборники и альманахи, наполненные очерками, стихами, посвященными развернувшейся войне. Некоторые из них прямо указывали — «На помощь жертвам войны». Жертвы — это дети, семьи, потерявшие кормильцев, раненые. Но жертвы это и целые народы и страны (Сербия, Польша). Одна из них — Бельгия. Ее трагедия вызвала к жизни несколько литературных сборников с участием известных писателей и поэтов. В 1915 г. был опубликован «Бельгийский сборник», почти половина дохода от которого должна была поступить «в пользу разоренной Бельгии». Его издатели указывали на еще одну

цель книги: «это знак преклонения перед маленьким народом, озарившим мир строгою красотой духа» [Бельгийский сборник, 1915: 3]. Открывал его бельгийский гимн в переводе Т. Кладо, рефреном повторяющуюся строку из которого знал теперь каждый равнодушный человек, — «Король, свобода и закон» [Бельгийский сборник, 1915: 7]. В разных издательствах вышли сборники под названием «Книга короля Альберта». В «русском» отделе одного из них были напечатаны короткие эмоциональные высказывания Л. Андреева, А. Куприна, М. Д. Анучина, М. Туган-Барановского, П. Виноградова, стихи Д. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Блока, И. Северянина, З. Гиппиус. В общем отделе — переводы высказываний и реакций на бельгийскую трагедию зарубежных политических, общественных деятелей, представителей искусства.

Фактически венчает группу публикаций, посвященных бельгийской трагедии, 500-страничная книга обер-прокурора Синода В. К. Саблера «Бельгия под гнетом германцев» [Саблер, 1917]. Саблер происходил из обрусевших немцев, и, не желая больше ассоциироваться с военным противником России, в 1915 г. перешел на девичью фамилию жены, став Десятовским. Под ней он и издал книгу. Саблер скрупулезно, на основании документов французской комиссии по расследованию преступлений германских войск, показывает трагедию, произошедшую с Бельгией и ее народом. «Тяжело думать, — пишет автор, — что героическая многострадальная Бельгия уже более двух лет стонет под гнетом немецких насильников. Истребив огнем и мечом много цветущих городов и сел, немцы безжалостно разоряют завоеванный край» [Саблер, 1917: 106]. Однако «истекающая кровью Бельгия должна знать, что ее готовность всем жертвовать для спасения чести родной земли нашла справедливую оценку и в России» [Саблер, 1917: 98]. А ведь в это время западный регион самой России после великого отступления русской армии был оккупирован германскими войсками. Километры окопов, тысячи беженцев, нищета, голод, болезни — война стала и для его жителей настоящей трагедией. На территории России появилась «своя Бельгия».

Список литературы

- Андреев Л.* Бельгийцам // Мир и война. М., 1914/1915. № 4.
Андреев Л. Н. Король, закон и свобода: Пьеса в 6 картинах. Пг., 1914.
Бельгийский сборник. Пг., 1915.

Книга короля Альберта: [Проза и стихи]: Посвящается бельгийскому королю и его народу представителями народов и государств всего мира. М., 1915.

Книга короля Альберта: Дань королю и народу Бельгии представителей всего мира. М., 1915. 334, VI с.

Книга короля Альберта: [Высказывания гос. и обществ. деятелей и ученых о Бельгии в связи с войной 1914 г.]. [СПб., 1915].

Мускатблит Ф. Г. Бельгийская жертва. Очерк борьбы за независимость. М., 1914.

Оправдание представителями германской интеллигенции нынешней войны и способа ее ведения Германией и Австро-Венгрией и Отповедь представителей интеллигенции во Франции, Англии и России / Изд. В. И. Адамович, засл. проф. Пг., 1915.

Ответ германским ученым // День. 21 декабря 1914 г. № 347 (789). С. 3.

Ответ профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев, 1915.

Саблер В. К. Бельгия под гнетом германцев: нашествие германских войск, убийства, грабежи, насилия, разрушение городов и деревень / [Соч.] Владимира Десятковского. Пг., 1917.

Семенов Е. П. Золотая книга Бельгии // Голос жизни. 1914. № 5. С. 8–9.

СИМВОЛЫ НАСИЛИЯ И МИРОЛЮБИЯ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ В. Ф. ЭРНА

Цыкалов Дмитрий Евгеньевич

Московский инновационный университет

e-mail: detsyk@mail.ru

Аннотация. В фокусе исследования — символика насилия и миролюбия в публицистике В. Ф. Эрна 1914–1917 гг. Автор показывает, что философ использовал эротическую и христианскую символику, чтобы наглядно показать германо-русские культурные противоречия.

Ключевые слова: Первая мировая война, символизация, насилие, миролюбие.

«Превращение мысли в зрительные образы» — это фрейдовское определение символизации [Фрейд, 1913: 391] довольно точно характеризует стиль В. Эрна — русского религиозного философа

начала XX в. Свой тип мысли он называл «логизмом», и «всесторонний символизм» играл ключевую роль в его религиозно-философской системе. «Логизм» был производным от «логоса» (принципа философии православного Востока), понимаемого в качестве разума, сосредоточенного на внутренних ценностях, которому мыслитель противопоставлял “ratio” (принцип западной мысли в Новое время) — формальный рассудок, направленный исключительно на решение проблем, имеющих для человека чисто внешний характер [Эрн, 1991: 290–293]. Однако, несмотря на значимость символики в дискурсе русского философа, этот пласт его творчества историками мысли практически не исследован. Особенно изобиловал символами дискурс В. Эрна в годы Первой мировой войны, и цель доклада — исследование символики насилия и миролюбия в его публицистике этого периода.

Анализ символики в дискурсе В. Эрна начнем с его самого известного философского фельетона — «От Канта к Круппу», в котором он пришел к парадоксальному выводу о том, что «пушки Круппа», т. е. агрессивная милитаризация Германии — это отражение немецкой ментальности, одним из истоков которой является философия И. Канта (несмотря на то, что немецкий философ был автором, в том числе и трактата «К вечному миру»). Для доказательства своих умозаключений В. Эрн использовал символы с эротическим подтекстом. «Сокровенная» сущность немецкого феноменализма и «корневой смысл» кантовской философии, по его оценке, заключается в «отвлеченной мужественности», «оторванности от женственного начала», от природы, что коррелирует с символическим значением, которое мыслитель придавал крупповским пушкам как символу разрушения, насилия и агрессии.

Довольно отчетлива и связь «Круппа» с символом «меча» — центральным эрновским образом германизма в мировой войне. Как «меч», так и «орудия Круппа» — это определенно фаллические символы, то есть обозначают мужское начало, которое в этом случае является не конструктивным, а напротив «секущим», разрушающим и деструктивным. В свою очередь, крупповские пушки — это «меч» отпавшей от Бога технической цивилизации, который несет смерть христианской культуре — «кресту». В символическом аспекте «Кант» и «Крупп», таким образом, есть «зло» и насилие над «женственностью» — действительностью, осуществляемое немецкой культурой одновременно в двух сферах бытия: «духовной» и «физической» [Эрн, 1991: 321].

Выступление В. Эрна против «чудовищной модальности» немецкой культуры вызвало в печати разноречивую реакцию; опубликованная на страницах «Русской мысли» «резкая» и «пристрастная» статья «От Канта к Крупну», по свидетельству философа В. Зеньковского, буквально «шокировала читателя» [Зеньковский, 1997: 113].

Русская символика у В. Эрна, в отличие от немецкой, внутренне гармонична и не имеет гротескного содержания. Немецкому мечу он противопоставляет русский крест — символ пересечения противоположностей, мирового единства и победы духа над материей. Если немецкая религиозность у Эрна связана с символикой насилия и смерти, то русский религиозный тип олицетворяет символ любви и жизни — Эрос. Отождествление России с древнегреческим божеством любви приобретает у философа очередной символический подтекст. Суть мировой войны раскрывается в противопоставлении «народного духа» России «германизму», который олицетворяет Арес — бог войны, разрушения и ненависти. Заключенный здесь смысл можно понимать как противоборство экзистенциальных ценностей: жизни и смерти [Эрн, 1991: 384].

Философ использует эротическую и христианскую символику для демонстрации противоположности русской и германской культур, являвшейся, по его мнению, главной осью войны. Причиной конфликта он называет коллективное «половое расстройство» немецкого сознания, вызвавшее физическую агрессию против России и других европейских держав. «Маскулинной» Германии Ареса, философии Канта, меча, насилия и пушек Крупна противостоит гендерно-гармоничная и миролюбивая Россия. Разно-полярная русская символика противоположна карикатурной немецкой и одновременно, если использовать терминологию К. Леви-Стросса, играет роль «медиатора» в конфликте. Функция русского — «воскресить» в самом Западе «его онтологические моменты», вернуть веру в Бога и соединить распавшиеся части. Итогом войны и символической битвы мировых начал должно стать рождение нового славянофильского «эона». Вести народы к торжеству идеи «всечеловечности» будет Россия, единственно сохранившая онтологическую ментальность [Эрн, 1991: 398].

Несмотря на германофобию, порожденную войной, теории В. Эрна предвосхитили такие научные направления, как психоистория, структурализм, история ментальностей. Эрновскую критику западной цивилизации разделяли евразийцы. Интерес представляют и прогнозы мыслителя на послевоенное мировое развитие — фактически он

предсказал культурную глобализацию, но по альтернативному проекту.

Список литературы

Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997.

Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Современ. пробл., 1913.

Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991.

ОБРАЗ АНТАНТЫ И США В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БОЛЬШЕВИКОВ И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ⁵

Конев Кирилл Александрович

Национальный исследовательский Томский государственный
университет

Кандидат исторических наук, заведующий отделом рукописей
и книжных памятников, Научная библиотека ТГУ

e-mail: kk.tsu@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются и сравниваются подходы большевиков и их противников на востоке России к метафорическому конструированию образов стран Антанты и США. Источником для исследования выступили материалы периодической печати эпохи Гражданской войны.

Ключевые слова: Антанта, США, образ Другого, периодическая печать, большевики, антибольшевистское движение.

В период Гражданской войны большевики и их противники с помощью доступных им средств массовой информации стремились донести до аудитории нарративы, в рамках которых формировалась определенная реальность, транслировались ключевые ценностные установки и конструировались образы участников переживаемых

---

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–00094).

событий, выступавших в роли «значимых Других». Цель работы — выявление и анализ метафор, применявшихся большевиками и их противниками для конструирования образов стран Антанты и США, выступавших для одних врагами, а для других — союзниками. Анализ дискурсов красных и белых позволяет не только выявить ключевые характеристики формируемого образа Другого (врага или союзника), но и определить ценности формируемой при этом «мы-группы», с которой действия Другого оценивались и интерпретировалось с помощью тех или иных языковых приемов. «Метафора — это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка», — отмечает А. П. Чудинов [Чудинов, 2013: 12]. Следовательно, анализ метафор, использовавшихся в контексте идеологического противостояния и борьбы за власть, позволяет обратиться к реконструкции той «воображаемой» реальности, на основе восприятия которой политики, военные и идеологи принимали внутри- и внешнеполитические решения.

Выбор метафор, на которых строился язык описания образов Антанты и США в пропаганде белых и красных, зависел от ряда факторов. Во-первых, это упомянутый нарратив, моделировавший реальность и позволивший выстраивать причинно-следственные связи и прогнозы, провозглашать и интерпретировать необходимые идеи и ценности. Во-вторых, культурные контексты, включавшие стереотипы и архетипы, выраженные в языке. Кроме того, это индивидуальные особенности стиля, речевого поведения того или иного автора, пропагандиста или журналиста.

Большевики, опиравшиеся на классовый подход для анализа внешней и внутренней политики стран-участниц мировой войны, рассматривали бывших союзников России — Великобританию, Францию, Японию и США — двояко. Политическая и военная верхушка Антанты и США выступала в качестве классового врага, стремящегося к уничтожению советского правительства. С другой стороны, «угнетенный» пролетариат Запада и Востока рассматривался как союзник в предстоящей борьбе против «империалистов». Данная двойственность позволяла советским пропагандистам выстраивать многомерный образ внешнего мира, являвшегося одновременно источником и угроз, и ожидаемой помощи.

Формирование эмоционально окрашенного негативного образа «империалистов» осуществлялось с помощью набора метафор, сравнений, нелицеприятных эпитетов и гротеска. Языковые средства позволяли создать легко узнаваемый образ «буржуя», в котором подчеркивались наиболее отрицательные качества — «захватные

устремления», алчность, хитрость, воинственность, лживость. Дегуманизация достигалась за счет применения метафор, подчеркивавших «хищнический» характер политики бывших союзников, которые, по мнению большевиков, не отличались от Центральных держав. Многоликость угроз олицетворялась образом гидры или различных inferнальных, зооморфных или хтонических существ, также изображавших понятие «капитал». Находили применение привычные образы диких зверей. «Волки», «акулы», «гиены» и прочие представители животного мира применялись как для создания коллективного портрета «союзников», так и для высмеивания и критики отдельных представителей руководства стран Запада, например, президента США В. Вильсона. Если «зоологические» метафоры вкупе с визуальными маркерами социальной принадлежности (цилиндр, денежный мешок, сигара и проч.), позволяли создавать образ всеобщего зла и классового противника, то национальные элементы (символика, костюм, национальные стереотипы и т. д.) — производить классификацию врагов, делать их узнаваемыми и наделять уникальными чертами.

Иначе развивался процесс метафорического конструирования образа Антанты и США в пропаганде антибольшевистского движения. Великобритания, Франция, Япония и США в официальной риторике сменявших друг друга на востоке страны правительств (Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительства адмирала А. В. Колчака) продолжали рассматриваться как союзники России. До ноября 1918 г. это обосновывалось призывами к продолжению участия в мировой войне, вопреки «предательству» Брестского мира. А после окончания мировой войны — необходимостью участия России в послевоенном урегулировании, восстановлением величия и единства страны и борьбой с «заразой большевизма». Таким образом, союзники воспринимались как помощники России в этой борьбе. Подходы к образному конструированию ситуации в России определяли приёмы презентации образов союзных стран. Так, характеризуя ситуацию в стране как «болезнь» или «сумасшествие», поражение и распад, смуту, авторы представляли союзников в роли докторов, благородных друзей или боевых товарищей, оказывавших помощь. Вместе с тем, описывая ослабление позиций России, пресса заостряла внимание на проблеме территориальной целостности государства. В данном контексте могли актуализироваться и опасения насчет притязаний соседей (например, Японии), что способствовало применению метафор, подчеркивавших расчетливость и даже

империалистические устремления отдельных государств, особенно в социалистической печати. В ходе обоснования необходимости помощи Антанты и США подчеркивались «благородство», «демократизм», «искренность» союзников, подкреплявшиеся порой национальными и внешнеполитическими стереотипами. Анализ событий, охвативших Россию, на страницах газет, сопровождался поиском их причин и способов преодоления кризиса. Одной из главнейших виделась отсталость России, отсутствие национального сознания и патриотизма у большинства ее граждан. На фоне подобных рассуждений в прессе появлялись призывы учиться у европейских народов «патриотизму», «народоправству», «правопорядку», что сопровождалось актуализацией целого спектра стереотипных представлений и метафор, позволявших формировать образ союзных стран как наставников и образцов для подражания.

Языковые приемы, использовавшиеся большевиками и их противниками для формирования образов стран Антанты и США, не только задавали определенные контексты восприятия, но и впоследствии на годы вперед определили подходы для изображения Других — союзников и врагов. В большей степени это касается большевиков, одержавших победу в Гражданской войне и в дальнейшем использовавших классовую оптику вкупе с отработанным набором метафор для формирования представлений о Других. Антибольшевистские силы стремились символически обосновать интервенцию, что было связано с конкретными политическими задачами — получением международного признания и поддержки извне. Это определяло выбор языковых приемов для создания образа «благородных помощников». В конечном итоге идеализированный образ союзников создавал неверные представления о целях и методах действий иностранных держав у руководства антибольшевистских сил и населения востока России. Вместе с тем стремление различных группировок в составе антибольшевистских сил представить иностранцев в качестве образца для подражания отражает характерную особенность мышления представителей партийных элит и идеологов, пытавшихся объяснять текущие явления, предлагать решения проблем и строить прогнозы с опорой на некие образцы. Эталоном в зависимости от политических взглядов могла выступать та или иная союзная держава. Поражения на фронтах и распад антибольшевистской государственности показали слабую эффективность подобного подхода — население оказалось невосприимчиво к ценностям и идеям, которые артикулировались

с опорой на внешние образцы, зачастую близкие лишь авторам продвигаемых идеологем.

Список литературы

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.

ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКО-КИТАЙСКОМ КОНФЛИКТЕ НА КВЖД

Кротова Мария Владимировна

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

e-mail: mary_krot@mail.ru

Аннотация. Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 года был первым вооруженным конфликтом СССР, поэтому ему уделялось значительное место в советской прессе и литературе 1930-х гг. Однако пропаганда тех лет была направлена не на китайцев как участников конфликта, а на русских эмигрантов в Маньчжурии, которые выступали в качестве «чужого».

Ключевые слова: советско-китайский конфликт, КВЖД, русские эмигранты, образ врага, пропаганда.

Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 года был первым вооруженным конфликтом СССР, поэтому ему уделялось много места в прессе и литературе 1930-х гг. В связи с тем, что достоверной информации о конфликте было мало, с самого начала сложилась мифологическая картина событий, основанная на слухах и домыслах [Кротова, 2013: 85–88]. Исследователь А. А. Писарев, анализируя китайские источники, приходит к мнению, что события вокруг КВЖД «не ограничивались дипломатическим и военным противоборством, но были и ожесточенной идеологической войной, в которой тесно переплелись мифы и реальность. Причем обвинения, которыми обменивались стороны, большей частью не отвечали действительности» [Писарев, 2013: 204]. Такая ситуация стала прекрасной почвой для формирования пропагандистских штампов

и клише, которые до сих пор используются во многих исторических исследованиях.

Стоит заметить, что советская пропаганда тех лет фокусировалась не на образе китайцев, как одной из сторон конфликта, а на русских эмигрантах в Маньчжурии, которые выступали в качестве «чужого». Возможно, сыграла свою роль двойственность внешней политики СССР и ее подчеркнуто интернациональный характер, так что китайцы не совсем подходили на роль врагов. Более того, в советской литературе 1920-х гг. Китай был представлен в основном как страна, вступившая на путь борьбы с мировым империализмом, а русский и китайский народы выступали как братья и соратники по борьбе с мировой буржуазией [Красноярова, 2019: 144–149]. После начала конфликта в июле 1929 г. советская пресса пыталась выставить китайцев варварами, но, во-первых, бездоказательность этих фактов, а также то, что этот образ плохо согласовывался с политическим курсом, заставило сменить направление пропаганды.

Дальневосточные и центральные советские газеты в начале осени 1929 г. были полны информацией о расстрелах, повешениях и пытках советских граждан китайцами. Однако среди сообщений об отрезанных головах советских граждан и прочих «страшилках», которые не подтвердились позже, стали появляться и новые мотивы. Интересно проследить, как менялись заголовки передовиц советских газет в августе–октябре 1929 г.: «Маньчжурское средневековье», «В маньчжурских застенках», «Избиения и аресты советских граждан продолжаются», «Наши кони наготове, клинки отточены», «Мир китайской фанзе, смерть генералам!», «Покажем мощь красного оружия!», «Наш ответ будет суров», «Сурово проучить белобандитов!», «Осиные гнезда будут снесены» и т. д. Пропагандистская машина использовала освещение хода конфликта как средство для мобилизации масс — в газетах следовали призывы крепить оборону страны, готовиться к защите социалистического отечества, не ослаблять бдительности, причем в коллективных заявлениях рабочих и служащих содержались требования изгнать белогвардейцев из Маньчжурии.

Таким образом, на роль врага советская пропаганда выдвинула эмигрантов в Маньчжурии, которые считались тогда реальной угрозой для советского Дальнего Востока и были более удобной мишенью, чем китайцы. В многочисленных брошюрах, выпущенных в 1929 и 1930 гг., упоминания об эмиграции в Маньчжурии стали обязательными: «Снова подняли голову остатки русской белогвардейщины, выброшенной 10 лет тому назад после разгрома

колчаковщины, хорватовщины, меркуловщины, семеновщины» [Войтинский, 1930: 37]; «Весь этот белогвардейский сброд ...только и думает о возвращении на родину, чтобы восстановить свои прежние права, чтобы так же сытно жить, как они жили раньше» [Бутлицкий, Теплов, 1929: 26]; «Харбинские белобандиты, спившиеся и продающие свои заржавленные шпаги всем, кто может платить, мечтали о “походе на Москву” и о скором восстановлении “добрых старых времен”» [Скалов, 1929: 37]. Участник событий Н. Костырев в книге, написанной по следам конфликта, описывает «воскресшую» эмиграцию и заключает: «Чтобы эти призраки снова и снова не могли облекаться в реальную форму... надо создать в Маньчжурии такие химические условия их окружения, чтобы призраки если не совсем растаяли, то, по крайней мере, переселились бы на кладбище» [Костарев, 1931: 260].

Александр Миних (А. В. Маслов) в стихотворении «Дальневосточный часовой», опубликованном в журнале «Красная новь» в ноябре 1929 г., выводит образ харбинских эмигрантов: «Да, господа! Мы в это лето... Клянусь вам... Мы возьмем Москву», — рыгая, бредит наяву полковник в сгнивших эполетах». Поэт сравнил эмиграцию с «трухлявой теплицей», которую «проветрит» свежий «советский ветер», подчеркивая, что ветер Китаю «не сделает вреда» [Миних, 1929: 139]. С этим образом перекликается ревью (театринообозрение) «КВЖД», созданное поэтом С. Я. Алымовым к открытию Центрального театра Красной Армии. Премьера состоялась 6 февраля 1930 г., режиссером стал ученик В. Мейерхольда В. Ф. Федоров.

С. Я. Алымов создал пьесу на злобу дня, в которой создал карикатурные образы эмигрантов в нескольких сценах: «Кулисы белой мечты», «Новое кладбище разбитых надежд» и др. Среди героев пьесы были реальные персонажи: генерал Д. Л. Хорват, «бывший наместник царя, бывший хозяин края»; атаман Г. Семенов «в японском кимоно», «запленных дел мастер»; епископ Нестор, благословляющий Хорвата и Семенова («Убивайте красных и с вами Бог!»); а также обобщенные образы военной эмиграции: начальники отрядов — участники сцены «купли–продажи», опустившиеся люди, «завернутые в лохмотья», которые торгуются, «боясь продешевить» [Алымов, 1929: 32–39]. Пьеса должна была убедить советскую публику в несостоятельности, деградации и полном поражении эмигрантов, «загнанных в норы». Сергей Алымов, в отличие от многих советских пропагандистов, прекрасно знал быт русской колонии в Харбине, так как прожил там несколько лет с 1920 г., более того, был дружен со многими

эмигрантами. Однако, покинув Харбин в 1926 г., он, конечно, не мог знать обстоятельств и подробностей событий на КВЖД и пользовался советской прессой как главным источником.

Нечего и говорить, что образы эмигрантов были далеки от действительности, выглядели ходульными и условными, как того и требовал жанр. Однако они, несомненно, повлияли на дальнейшую интерпретацию событий конфликта в советской историографии, где в числе основных участников называется русская военная эмиграция, выступившая на стороне китайцев, причем даже в современных исследованиях приводятся фантастические цифры. Так, утверждается, что в конфликте участвовали белогвардейские отряды численностью около 70 тыс. чел. [Войны, 2013: 12; Трофимов, 2019]. Стоит заметить, что сама по себе цифра невероятна (участников бывших военных формирований в Маньчжурии было около 20 тыс. чел.), более того, эмигрантские источники показывают, что военная русская эмиграция не участвовала в конфликте за исключением выступления небольших партизанских отрядов «за свой собственный риск и страх», так как почва для «организованного движения с единым планом и единым руководством была неблагоприятна» [ГАРФ, 1930: 8–9; Смирнов, 2019: 173–177]. Но пропагандистские клише, как правило, оказываются очень устойчивыми. Образ эмигрантов как главных врагов советской власти закрепился и в дальнейшем получил развитие как в публицистике, так и в исследовательской литературе.

Список литературы

Альмов С. Я. Сценарий ревью «КВЖД». 1929 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.1885. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–40.

Бутлицкий Э., Теплов Д. Военная угроза на Дальнем Востоке: Что происходит на советско-китайской границе. М.; Саратов, 1929.

Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Вып. 2. Дальневосточное общество в годы Второй мировой войны (1939–1945). Сб. ст. Хабаровск, 2013.

Войтинский Г. КВЖД и политика империалистов в Китае. М., 1930.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф Р-5826. Оп. 1. Д. 156. Переписка лидеров РОВС. 1929–1930 гг.

Костарев Н. Китайские дневники. М.; Л., 1931.

Красноярова А. А. «Китайский текст» в советской литературе 1920-х гг. (на примере творчества С. М. Третьякова) // *Litera*. 2019. № 4. С. 144–151.

Кротова М. В. Конфликт на КВЖД 1929 г.: информационная война и политические настроения русских в Маньчжурии // *Вестник РГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2013. № 10 (111). С. 85–97.

Миних А. Дальневосточный часовой // Красная новь.1929. № 11. С. 138–140.

Писарев А. А. Советско-китайский конфликт 1929 года: причины и последствия // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюций и модернизаций. М.: ИВ РАН, 2013. С. 188–208.

Скалов Г. Б. События на Китайской Восточной железной дороге. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.

Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 — конец 1940-х годов). «ЛитРес: Самиздат», 2019.

Трофимов А. Конфликт на КВЖД: как СССР и Китай за царское наследство воевали (2019) // Портал История. РФ. Конфликт на КВЖД: как СССР и Китай за царское наследство воевали: историческая правда России от РВИО — История России (histrf.ru) (Дата обращения: 23.09.2021).

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВЕТСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пушкаренко Елена Анатольевна

доцент Белгородского государственного национального
исследовательского университета

e-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен немецкой и советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны в его гендерном аспекте. В статье проведено исследование основных аргументов, адресованных пропагандой женской аудитории, а также сравнение типичных образов женщины, используемых пропагандой двух противоборствующих сторон. Статья подготовлена на материалах Национального архива Республики Беларусь.

Ключевые слова: пропаганда, Великая Отечественная война, образ женщины как символ Родины, гендерный аспект.

В годы Великой Отечественной войны пропаганда двух воюющих сторон обращалась к образу женщины-матери как архетипу жизни, семьи, продолжения рода, хранительницы традиционных ценностей. Женщины играли огромную роль в военной промышленности, на фронте и в тылу обеих сторон, поэтому

с началом войны они стали особой аудиторией пропагандистских кампаний.

Немецкая пропаганда использовала образ женщины-матери, выполняющей свои традиционные функции в семье — рождения и воспитания детей, ведения домашнего хозяйства, хранения и поддержания семейного очага. В пропагандистских материалах особо подчеркивалось, что национал-социалистическое правительство Германии стремится улучшить социально-правовой статус немецкой женщины, позволяя ей оставаться матерью и женой даже в условиях военного времени. «Признавалось, что, хотя труд немецких женщин и используется в военной промышленности рейха, германское правительство не забывает о необходимости решения множества социальных вопросов, улучшающих их жизнь. Немецкие женщины, изображенные на плакатах, являют собой образец молодости, красоты и могучего здоровья. Они готовы исполнить свой долг перед “рейхом” и в семье, и на производстве, и на военной службе» [Пушкаренко, Шамрина, 2020: 134].

Немецкая пропаганда на оккупированной советской территории также активно эксплуатировала гендерный фактор и проводила сравнительный анализ социального статуса советских и немецких женщин. Наиболее распространенной темой в агитационных материалах для оstarбайтеров была «Женщина в Германии и СССР» [Национальный архив, Д. 1]. Немецкая семья и условия жизни и труда в нацистской Германии объявлялись своего рода эталоном для советских женщин, проживавших в зоне немецкой оккупации. Особо подчеркивалось, что в советской стране женщина полностью утратила свой прежний статус хранительницы семейного очага, свою исконную роль матери и супруги. Адресованная молодым советским женщинам пропаганда утверждала, что советская власть отнюдь не уравнила женщин в правах с мужчинами, так как теперь на женских плечах, помимо домашнего хозяйства, лежат производственные обязанности или тяжелый труд в колхозе [Национальный архив, Д. 2, Л. 10]. Теперь женщины в СССР даже более не свободны, чем раньше, утверждали немецкие пропагандисты, их грубо использует и обманывает советская власть. «Отсутствие женского вопроса, о чём кричали коммунисты, и борьба за “освобождение” женщин привели к тому, что советская женщина работает наравне с мужчиной», — вот один из типичных пропагандистских штампов [Национальный архив, Д. 1286, Л. 109].

Со своей стороны советская пропаганда также обращалась к классическому архетипу женщины-матери (плакат «Родина-мать

зовет»). Ее лицо исполнено праведного гнева и силы, оно выражает готовность пожертвовать собой ради спасения Отчизны от ненавистного врага. В ее чертах угадываются исторические прототипы Марфы-посадницы и Василисы Кожинной. Использование образа женщины-матери апеллировало к самым высоким чувствам — долгу, отваге, любви к Родине.

Другим, не менее распространенным, стал образ женщины – боевой подруги, заменившей своего мужа у заводского станка. Она готова терпеть трудности и лишения, чтобы приблизить долгожданную Победу. Советские плакаты военного времени воплотили обобщенный образ советской женщины, на плечи которой лег нелегкий труд на военном производстве и в колхозе.

Известно, что в годы Великой Отечественной войны советские женщины были задействованы в работе медико-санитарной службы, участвовали в боевых действиях. Советские газеты публиковали статьи, посвященные боевому пути и подвигу Зои Космодемьянской и Зинаиды Тусноловой. Их пример должен был воодушевить красноармейцев сражаться не на жизнь, а насмерть за свою великую и малую родину, за свою семью, за родную землю и отчий дом.

Еще одним типичным образом, используемым пропагандой, стал «жертвенный». Советская женщина, изображаемая на плакатах, обращается к бойцам и офицерам Красной армии с просьбой защитить ее и ее детей от насилия и поругания со стороны фашистских оккупантов. Парадокс, но в ее облике не видно признаков жертвы: у нее прямой взгляд, гордое выражение лица, говорящее о несломленности духа и готовности дать отпор врагу. В ее лике мы не увидим христианского смирения. Наоборот, оно выражает призыв к мщению за убитых близких, за разрушенные города и сожженные деревни.

В целом образы женщин, используемые советской пропагандой в военное время, не выходили за рамки общей идеологической направленности. Советская женщина — свободна, она — хозяйка своей судьбы, которая может учиться и работать, ей по силам любые цели, она не испытывает никаких ограничений по сравнению с мужчиной. С началом войны она готова заменить ушедшего на фронт мужа на тяжелом производстве, сесть за трактор, трудиться в колхозе. Она не будет просить пощады у ненавистных поработителей и готова внести свою лепту в приближение долгожданной Победы.

Таким образом, и советская, и немецкая пропаганда в годы Великой Отечественной войны использовала образ женщины как

исконный символ и архетип Родины, хранительницы семейного очага и традиционных ценностей, продолжательницы рода.

Список литературы

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 370. Оп. 1.

Пушкаренко Е. А., Шамрина Е. А. Гендерный аспект немецкой пропаганды на оккупированной советской территории (на материалах генерального округа Беларусь) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 133–137. DOI: 10.47438/2309-7078_2020_3_133.

СТЕРЕОТИПЫ И ОБРАЗЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В СЕРИАЛЕ «АМЕРИКАНЦЫ»

Райкова Вера Алексеевна

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: raikovavera@herzen.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу популярного сериала «Американцы» с точки зрения репрезентации в нем образов и символов Холодной войны. Советско-американские отношения 1981–1987 гг. показаны в сериале как ожесточенная идеологическая борьба двух различных общественных систем, победа в которой США является закономерным и справедливым итогом.

Ключевые слова. «Американцы», холодная война, КГБ, ЦРУ.

В 2013–2018 гг. на американском кабельном канале FX транслировали сериал «Американцы», посвященный перипетиям Холодной войны. Этот телевизионный проект получил множество хвалебных отзывов кинокритиков, высокие оценки зрителей и целую россыпь наград. Сериал был удостоен «Золотого глобуса», 4 премии «Эмми», 4 наград Американской ассоциации телевизионных критиков и 6 раз входил в десятку лучших телепроектов года, ежегодно составляемую Американским институтом кино [Golden Globes, 2019]. Все это свидетельствует о том, что сериал «Американцы» стал весьма заметным явлением в американской киноиндустрии.

Сюжетная линия «Американцев» на первый взгляд проста — это история одной американской семьи, проживающей в пригороде Вашингтона. Элизабет (актриса Кэрри Рассел) и Филипп Дженнингс (актер Мэтью Риз), ведут туристический бизнес и занимаются воспитанием двоих детей, дочери Пейдж (актриса Холли Тейлор) и сына Генри (актер Кейдрич Селати). Однако на самом деле Элизабет и Филипп являются советскими разведчиками-нелегалами, работающими в тылу врага и выполняющими разнообразные поручения КГБ. Драматизма добавляет тот факт, что в какой-то момент их новым соседом становится Стэн Биман (актер Ноа Эммерих) — сотрудник ФБР, занимающийся контрразведкой. Хронологические рамки сериала очерчены, с одной стороны, инаугурацией президента Рональда Рейгана 20 января 1981 г., с другой, Вашингтонским саммитом по вопросу разоружения в декабре 1987 г. Таким образом, «Американцы» — это шпионский сериал, события которого повествуют о последнем этапе конфронтации в рамках Холодной войны.

Креативным продюсером сериала выступил Джозеф Вайсберг, бывший оперативный сотрудник ЦРУ, который в 1993 г. покинул эту организацию и занялся писательской деятельностью. На создание сериала «Американцы» его вдохновило известное шпионское дело 2010 г., когда сотрудники ФБР арестовали 10 российских разведчиков-нелегалов на территории США. Среди раскрытых шпионов была супружеская пара Елены Вавиловой и Андрея Безрукова, проживавших в США на протяжении 20 лет [Ten Alleged, 2010]. После освобождения Елена Вавилова опубликовала несколько книг, которые не являются мемуарами, но тем не менее посвящены шпионской деятельности и основаны на ее личном опыте [Бронников, Вавилова, 2020]. В интервью Вайсберг пояснял свое решение перенести эту историю в 1980-е гг. тем, что испытывал ностальгию по эпохе восьмидесятых, кроме того, в 2013 г. Россия для американцев уже не была врагом и для накала страстей логичнее было использовать более драматичные времена [Radish, 2013].

Холодная война в сериале показана как идеологическое противостояние двух различных общественных систем. Формируется образ США как государства, сражающегося за свободу, демократию и всеобщий мир, граждане которого в подавляющем большинстве являются истинными патриотами. Американцы становятся информаторами советских разведчиков либо из страха, либо за деньги, либо из-за личных привязанностей, но никогда из-за симпатий к социализму и советской системе.

Советский Союз изображен как «империя зла», как государство с прямо противоположными американцам ценностями, посягающее на незабываемое право частной собственности, не знающее демократических институтов, отвернувшееся от Бога и экспансионистское по своей природе. Подробно показан советский продовольственный кризис, размах коррупции и кумовства, косность и неповоротливость бюрократической машины. Вместе с тем в сериале практически нет вздорных и нелепых выдумок о России, примитивных стереотипов и комичного изображения водки, матрешек и медведей. Встречается немало сцен на русском языке, и хотя диалоги иногда изобилуют анахронизмами XIX века, но все же выглядят живыми и естественными. Хотя сериал снимался преимущественно в Нью-Йорке и его пригородах, однако часть материала удалось снять в России [Vojalad, 2017].

Отвечая на вопрос, должны ли американские зрители симпатизировать советским шпионам, создатели сериала подчеркивали, что наряду с симпатиями, зрители должны понимать, что перед ними шпионы, наносящие вред правительству США [June, 2013]. В первых сезонах главные герои сериала, действительно, находятся в своеобразной «серой зоне», и зрители в большей степени сопереживают Элизабет и Филиппу. Однако по мере развития сюжета, все больше проявляется отрицательный и даже демонический образ главных героев. Сценаристы все больше отходят от образа разведчиков как невидимых героев, ориентированных на поиск информации и ее интерпретацию. Элизабет и Филипп больше пытаются, шантажируют и убивают людей, чем ведут искусные психологические игры. Еще более важно, что советские разведчики показаны как люди без каких-либо моральных принципов, способные на самые изощренные поступки. Сочувствие теперь вызывает лишь сложная семейная жизнь героев, но не их профессиональная деятельность. Сериал заканчивается тем, что супруги Дженнинг, будучи разоблаченными соседом Стэном Биманом, бегут в Канаду, а оттуда в Советский Союз. Однако их дети остаются в США, причем дочь делает это абсолютно сознательно, предпочитая американские ценности и образ жизни советским [Framke, 2018].

Таким образом, в сериале «Американцы» Холодная война изображена довольно типично как идеологическое противостояние жестко централизованной, безбожной и экспансионистской советской системы с демократической, патриотической и основанной на христианских ценностях американской цивилизацией, однако сделано это талантливо и искусно. Главные герои сериала проигрывают свою

войну точно так же, как Советский Союз проигрывает Холодную войну. Их собственные дети не понимают и не разделяют ценности Элизабет и Филиппа, делая выбор в пользу американской общественной системы.

Список литературы

Бронников А. Э., Вавилова Е. С. Женщина, которая умеет хранить тайны. М.: Эксмо-Пресс, 2020.

Bojalad A. The Americans Season 5: How they finally filmed in Russia // Den of Geek. May 31, 2017. URL: <https://www.denofgeek.com/tv/the-americans-season-5-how-they-finally-filmed-in-russia/> (дата обращения: 01.12.2021).

Framke C. The Americans Finale was Surprising and Brilliant for what it didn't do // Variety. May 31, 2018. URL: <https://variety.com/2018/tv/columns/the-americans-finale-keri-russell-matthew-rhys-1202826671/> (дата обращения: 02.12.2021).

Golden Globes 2019: Full list of winners and nominees // BBC. January 7, 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-46467379> (дата обращения: 30.11.2021)

Radish C. Creators Joseph Weisberg and Joel Fields Talk The Americans Season Finale, Crafting the Cliffhanger, Season 2, and More // Collider. May 2, 2013. URL: <https://collider.com/the-americans-season-1-finale-joseph-weisberg-joel-fields-interview/> (дата обращения: 28.11.2021)

Ten Alleged Secret Agents Arrested in the United States // U.S. Department of Justice. June 28, 2010. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/ten-alleged-secret-agents-arrested-united-states> (дата обращения: 05.12.2021)

June T. A Conversation with The Americans Showrunners Joe Weisberg and Joel Fields // Slate Magazine. January 31, 2013. URL: <https://slate.com/culture/2013/01/the-americans-fx-spy-series-creators-joe-weisberg-and-joel-fields.html> (дата обращения: 11.12.2021)

РАЗДЕЛ III

МОБИЛИЗАЦИЯ — ПОБЕДА — КОММЕМОРАЦИЯ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СИМВОЛЫ И РИТУАЛЫ РОССИЙСКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Гребенкин Алексей Николаевич

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено влияние событий Революции 1917 г. и Гражданской войны на символы и ритуалы воспитанников российских военно-учебных заведений. Оно проявлялось как в возникновении деструктивных моделей поведения, так и в сплочении воспитанников и их наставников в дружную семью.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, кадетские корпуса, символы, ритуалы, традиции.

Сразу же после событий февраля 1917 г. кадеты и юнкера добровольно приняли на себя роль защитников императорской России. Символы принадлежности воспитанников к старой армии — форма, погоны, знамена — стали символами борьбы с новой властью. Их ценность вследствие переосмысления многократно возросла. Так, в Пажемском корпусе погоны были заменены погонами защитного цвета с красной тесьмой вместо золотого галуна. Пажи выступили категорически против введения новых знаков различия и сумели отстоять старые золотые погоны, на которых, разумеется, уже не было императорских вензелей.

Гражданская война способствовала появлению новых символов и ритуалов, закреплявших в коллективной памяти наиболее значимые для воспитанников эпизоды противостояния. В 1920 г. в Одесском

корпусе появились «две новые традиции, преследовавшие цель укрепить в кадетских сердцах память о родном корпусе и его „Голгофе“» [Одесский, 1974: 335]. Традиционным цветком воспитанников стал василек, схожий по цвету с их погонами. С тех пор букетики васильков украшали стол в дни корпусных праздников, бывшие кадеты вдевали васильки в свои петлицы, из этих же цветков изготавливались бутоньерки для присутствовавших на торжествах дам. Вторая традиция была связана с эвакуацией корпуса из Одессы в Аккерман в январе 1920 г. Вице-фельдфебель 15-го выпуска с одним из товарищей отстал от колонны и, чтобы понять, в каком направлении ушел корпус, вынужден был разрывать кучи конского навоза, определяя его свежесть. С тех пор в повседневной жизни вице-фельдфебель здоровался левой рукой, ибо его правая рука считалась запачканной.

Преждевременное знакомство кадет и юнкеров со смертью, кровью, изнанкой фронтовой жизни, а затем разлука с Родиной привели к формированию деструктивных, неразрывно связанных с танатосом моделей поведения. Удары, нанесенные по еще не устоявшейся психике, наложились на юношеский максимализм, который, как известно, не терпит компромиссов. Поэтому морально изувеченные воспитанники в отсутствие минимальной психологической поддержки были не в силах приспособиться к резко изменившимся условиям и не понимали, что им нужно делать. Многие потеряли вкус к жизни, опустились, их поведение приняло ярко выраженную криминальную окраску. Цинизм, распущенность, полное пренебрежение к своему внешнему виду, ложь офицерам, сопротивление начальству, воровство, безудержное пьянство, дромомания — вот далеко не полный перечень пороков, которые были приобретены кадетами во время борьбы с большевиками и последовавших за ней беженских скитаний. Своеобразной «визитной карточкой» кадет в начале 1920-х гг. стало бравирование своим «отчаянным» поведением, имевшее ярко выраженную демонстративную форму. Воспитанники открыто меняли на рынках форменную одежду и постельное белье на еду и выпивку, сбегали с занятий целыми отделениями, появлялись в пьяном виде в общественных местах, в том числе в женских учебных заведениях. Тотальная деморализация, перераставшая в нигилизм и тягу к самоуничтожению, проявилась в эпидемии самоубийств, прокатившейся по кадетским корпусам в первой половине 1920-х гг. и породившей легенду о существовании в среде воспитанников «клуба самоубийц». На самом деле между отдельными суицидами не было

прямой взаимосвязи. Общими были лишь жизненные обстоятельства, их породившие, а также своеобразный героико-романтический флёр, которым обычно окружены люди, безвременно ушедшие из жизни. Последнее обстоятельство было подмечено военными педагогами задолго до революции, когда атмосфера декаданса породила моду на самоубийства среди учащейся молодежи. В. А. Бернацкий еще в 1911 г. писал: «Торжественная обстановка похорон самоубийц — воспитанников военно-учебных заведений с отпеванием, музыкой и воинскими почестями, в присутствии всего личного состава заведения, окружает самоубийцу в глазах товарищей ореолом геройства, и „геройский“ поступок его способен вызвать подражание» [Бернацкий, 1911: 49].

Противовесом деструктивным явлениям являлись символы и ритуалы, поддерживавшие готовность к борьбе за восстановление дореволюционных порядков. Это проявлялось даже в мелочах. В военно-учебных заведениях Русского Зарубежья бывшие питомцы дореволюционных корпусов бережно хранили свою форму и погоны, которые становились символами их связи с прошлым. Старые мундиры надевались лишь в особо торжественных случаях, на неофициальных собраниях воспитанников. Новый смысл обрела давняя традиция подчинения младших воспитанников старшим. Если до революции она была связана главным образом с противостоянием начальству, то в эмигрантских кадетских корпусах старшие кадеты по собственному почину взяли на себя заботу о своих младших товарищах, понимая, что офицеры, обремененные массой бытовых проблем и вынужденные зарабатывать себе на кусок хлеба черной работой, не в состоянии обеспечить должный контроль над кадетской массой. Поэтому «генерал выпуска» превратился из вожака корпорации двоечников и хулиганов в главного помощника директора, авторитет которого безоговорочно признавался не только воспитанниками, но и воспитателями и педагогами. Кадетское начальство гасило конфликты между учащимися, стремилось к налаживанию конструктивного взаимодействия между руководством, офицерами и учителями, с одной стороны, и кадетской массой, с другой, своим поведением подавало пример младшим. Определенную роль сыграло присутствие в Белой Церкви Николаевского кавалерийского училища, юнкера которого постепенно «отучили кадет от распушенности и неряшливого внешнего вида» [Гурковский, 1910: 162].

Сообразно этому изменились смысл и содержание «Звериады» — традиционной кадетской песни, в которой до революции

в нецензурной форме высмеивались офицеры и преподаватели. Теперь она стала символом единения всех тех, кто был связан с эмигрантскими корпусами, кодексом правил поведения для воспитанников, напоминанием о необходимости продолжения борьбы за возрождение великой России, старой армии и системы военного образования «Войдем мы в град освобожденный / Под звон родных колоколов, / Увидим корпус возрожденный, / Родной приют увидим вновь» [ГАРФ: 3].

Именно в эмиграции кадеты разных корпусов сплотились в дружную семью. Соперничество и зависть, до революции приводившие к ссорам и многолетней вражде, уступили место согласию и солидарности. Кадеты понимали, что без дружеской взаимопомощи они не смогут сохранить и передать своим преемникам основы русской военной культуры. Бывший кадет-нижегородец А. Шавров в марте 1925 г. писал: «Старые кадеты постепенно сходят с жизненного пути; их святая обязанность — пока они еще живы — не только передать идущему за ними молодому поколению кадет кадетские традиции, но и суметь сделать их дорогими и священными, а это может быть достигнуто только при самом тесном единении между кадетами всех возрастов...» [ГАРФ: 1 об.]

Список литературы

Бернацкий В. А. Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1911.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 87.

Гурковский В. А. Крымский кадетский корпус. 1920–1929 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 147–169.

Одесский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899–1924. Нью-Йорк, 1974.

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1924 г. КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РАНЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Соколов Александр Станиславович

Рязанский государственный радиотехнический университет
им. В. Ф. Уткина

e-mail: falcon140770@yandex.ru

Аннотация. Анализируются общественные настроения в СССР в связи со сложной международной ситуацией, возникшей в 1924 г. Военный кризис совпал с мероприятиями, посвященными юбилею Первой мировой войны, что стимулировало активные действия власти по усилению социальной напряженности. Различные социальные слои восприняли «военную тревогу» неоднозначно.

Ключевые слова: «Военная тревога», слухи, конфликт.

В 1924 году в СССР развернулась кампания, связанная с «военной тревогой». Этот год стал началом полосы дипломатических признаний СССР рядом европейских стран. В феврале 1924 г. признание Англией СССР рассматривалось крестьянами Коми области как признак укрепления Советской власти [Голубев, 2008:105]. Однако несмотря на дипломатические победы на внешнеполитическом фронте, обстановка внутри страны продолжала оставаться напряженной. Начавшийся с осени 1924 года голод, рост безработицы, внутрипартийная борьба после смерти Ленина усиливали в массах чувство неуверенности. Любое событие, происходящее на мировой арене, хоть как-то затрагивающее страну, воспринималось массовым сознанием как признак надвигающейся войны. Слухи о войне породили обострение отношений с Великобританией, Германией и Польшей, региональную мобилизацию и вызвали такие мероприятия, как переучет лошадей. После смерти Ленина паника охватила рядовых коммунистов. Они ждали крестьянского бунта, нападения «империалистов». Сводки Рязанского отдела ГПУ сообщали о провокационных слухах о неестественной смерти Ленина. В Красной армии распространились панические слухи о том, что «летом 1924 г. будет конец большевикам, оживление внутренней контрреволюции и иностранное вторжение». Слухи о войне ходили столь упорно, что стали темой специального доклада информационного отдела ЦК в мае 1924 г. [Великанова, 2017: 47].

Постепенная нормализация англо-советских отношений истолковывалась не всегда благоприятным образом для власти. С 1924 г. постоянно воспроизводились слухи о том, что какая-то часть Русского Севера будет передана Англии. В сентябре 1924 г. в Печорском уезде говорили об уступке Англии Архангельской губернии [Голубев, 2008:105]. В июле в Донбассе распространились слухи о продвижении генерала Краснова и бомбардировке Новороссийска, а в Гомельской губернии — о войне с Польшей [Совершенно секретно, 2001:150]. В ноябре в Тюмени стали распространяться слухи о скором нападении Врангеля. Как отмечалось в информационной сводке ОГПУ за декабрь, «всякое международное положение советской власти истолковывается как близкое к войне

[Совершенно секретно, 2001: 266]. Не только сложная международная обстановка влияла на появление разговоров о предстоящей войне. В феврале 1924 г. в связи с переучетом лошадей отмечались слухи о войне среди жителей Владимирской губернии [Советская деревня, 2000: 182].

Настроения населения относительно готовности воевать были различны. Весной 1924 г., после полицейского налета на советское торгпредство в Берлине, в сводках Политуправления РВС СССР утверждалось, что «красноармейцы проявляют живой интерес к конфликту с Германией, выражая опасения за могущие получиться осложнения», но вместе с тем демонстрируя «приподнято-революционное» настроение. Выражая свое негодование по поводу налета, военморы заявляют, что политика Соввласти слишком миролюбива» [Голубев, 2008: 107]. В то же время информсводки ОГПУ за октябрь сообщали, что в письмах красноармейцы высказывают определенную боязнь перед войной. Их настроения носят демобилизационный характер. В некоторых частях красноармейцы заявляли, что в случае войны они или дезертируют, или воткнут штык в землю и сдадутся в плен [Совершенно секретно, 2001: 236].

Летом этого года прошла пропагандистская кампания, посвященная 10-летию с начала Первой мировой войны. Будучи одной из бесконечных пропагандистских кампаний, она преследовала цель дальнейшей милитаризации советского общества. 1 августа был объявлен Международным днем антивоенной пропаганды. Главный упор при этом делался не столько на память о Первой мировой войне, сколько на опасность новой войны. Характерной чертой кампании 1924 г. была риторика, связывавшая войну с мировой революцией. На митингах отклик среди рабочих и крестьян вызывали декларации типа: «Призываем трудящихся выступить единым пролетарским фронтом против мирового капитала» [Великанова, 2017:49]. В городах были организованы демонстрации группы инвалидов участников Первой мировой войны. В то же время мероприятия, связанные с юбилеем «Великой войны», не содержали элементов почитания памяти жертв войны и отвечали текущей политической повестке дня. Сбивающие с толку публикации в прессе на тему прошлой войны также способствовали распространению слухов о войне. Например, 1 августа «Известия» под рубрикой «Из архивов войны и революции» напечатали статью К. Радека 1914 г. «За что мы должны проливать кровь», где о войне говорилось в настоящем времени [Великанова, 2017: 51]. Военная пропаганда побуждала людей в массовом порядке

записываться в военизированные организации (Доброхим, Добролет) Несмотря на официальный тон, направленный партийной пропагандой на усиление военной мобилизации, в обществе преобладали демобилизационные настроения. «Военная тревога» 1924 г. оправдывала чрезвычайные меры власти по отношению к населению. Она оставила заметный отпечаток в народном сознании.

Список литературы

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017.

Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934): Сб. док. В 10 т. Т. 2. 1924. М.: Б. и., 2001.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

«И В ТРУДЕ, И В БОЮ...»: ЖЕНЩИНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК СИМВОЛЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (на примере Саратовской области)

Овчарова Ольга Геннадиевна

Российская государственная специализированная академия искусств;
Российский государственный гуманитарный университет

e-mail: ovcharovao@ya.ru

Аннотация. Рассматривается проблема символизации российских регионов посредством увековечивания памяти о женщинах-героинях Великой Отечественной войны. Имя героини, которое будет ассоциироваться в общественном сознании с данной территорией, с большой вероятностью сможет стать его символом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, символы, женщины, российские регионы.

Традиционными, наиболее распространенными в российской культуре символами женщин Великой Отечественной войны, выступают символы «женщина-мать» и «Родина-мать». Нельзя не согласиться с тем, что «одним из наиболее известных образов мобилизации в военное время является образ матери: либо в качестве

аллегии страны, либо — матери солдата... сложно переоценить ту роль, которую играет в отечественной военной культуре материнский символ на протяжении уже как минимум двух столетий» [Рябова, 2015: 125; Рябов, 2014: 90–113].

Тем не менее в настоящее время усилия исследователей (прежде всего, представителей гендерного знания и историков), писателей, органов власти и просвещения все более направлены на формирование в массовом сознании россиян образа женщины-участницы в военных действиях Великой Отечественной войны, женщины-защитницы Родины. Ученые стараются доказать, что поляризация «мужчина/ публичное/ война — женщина/ приватное/ тыл/ мир» усиливает гендерную иерархию, и необходимо не только замечать социальное значение ролей, исполняемых женщинами за пределами частной сферы, но и оценивать это значение наравне с содержанием мужских ролей [Овчарова, 2006: 152–157; Реброва, 2008: 25–33]. В книге С. Алексиевич «У войны не женское лицо» отчетливо демонстрируются не только колоссальный вклад женщин в победу над гитлеровской Германией, но и отсутствие равенства в социальном восприятии действий женщин и мужчин как на войне, так и в тылу [Алексиевич, 1988]. Министерство обороны Российской Федерации ежегодно публикует материалы об участии женщин в Великой Отечественной войне, предлагая читателям новые цифры и факты: «представительницы слабого пола держали на своих плечах тыл, сохраняли детей, защищали страну наравне с мужчинами. Они служили в Красной армии, участвовали в партизанском движении, принимали самое непосредственное и деятельное участие в изгнании оккупантов с советской земли и в полном их разгроме» [Сила слабых... 2020]. В школах и вузах страны проводятся тематические уроки по обозначенной выше проблеме, формируя символическую память подростков и молодежи о победителях.

В качестве еще одного, весьма эффективного механизма памяти об участии женщин в Великой Отечественной войне может выступить деятельность регионов по увековечиванию памяти своих землячек или женщин, чей воинский подвиг был совершен на территории их региона. В таком случае имя героини будет ассоциироваться с конкретной территорией, станет символом данного региона. К примеру, деревня Петрищево Рузского городского округа Московской области известна и навсегда связана в памяти россиян с именем Зои Космодемьянской. А соседняя деревня Головково, Наро-Фоминского района Московской области, знакома жителям района благодаря имени другого героя России, Веры Волошиной (модель статуи «Девушка с веслом») — подруги Зои Космодемьянской, замученной фашистами в этой деревне. Поскольку Вера Волошина была уроженкой Щегловска (ныне Кемерово), в 2005 году

на месте ее гибели был установлен памятник «От благодарных жителей Кузбасса», что соединило ее имя и подвиг и с этим регионом.

Подобных примеров можно привести довольно много. И на территории России, и на территории бывших республик Советского Союза, ныне самостоятельных государств, можно увидеть памятники женщинам-героям. Распространяя истории мужества этих женщин посредством книг, СМИ, образования и так далее, есть возможность навсегда закрепить за именем своего региона имя Героя, сделать имя символом города, поселка, края.

В докладе, представленном на данную конференцию, речь пойдет о легенде советской авиации Марине Расковой, чье имя навсегда связано с Саратовом и Саратовской областью. Именно здесь она сформировала несколько женских авиаполков, один из которых носил неофициальное название «Ночные ведьмы», здесь же, направляясь на фронт в Сталинград, она и погибла. В городе и области память о ней будет жить вечно, символизируя город и «женское лицо войны».

Список литературы

- Алексиевич С.* У войны не женское лицо. М., 2021.
- Овчарова О. Г.* Материнство: публичное и частное // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. 2006. № 3. С. 152–157.
- Реброва И. В.* «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 25–33.
- Рябов О. В.* «Родина-мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2014. № 1. С. 90–113.
- Рябова Т. Б.* «Родина-мать» в практиках политической мобилизации современной России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3/4 (76/77). С. 124–137.
- Сила слабых: женщины на Великой Отечественной войне // Армейский сборник. Журнал Министерства обороны Российской Федерации. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/252043/> (дата обращения 10.12.2021)

ДОЛГ ПЕРЕД РОДИНОЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН: ВОЗРАСТНОЙ АСПЕКТ (на материалах всероссийского опроса)

Карушева Юлия Михайловна

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)

Аннотация. На материалах всероссийского опроса автор анализирует представления россиян об образе родины и долге перед ней. Делается вывод о том, что, несмотря на гомогенность ассоциацией со словом «родина», старшие и младшие респонденты демонстрируют различия в допустимости проведения семейной аналогии в отношениях человека и родины и выражении долга перед ней.

Ключевые слова: образ родины, долг перед родиной.

Образ родины является одним из наиболее древних и известных символов российской культуры. Как показывают результаты проводимых крупными социологическими центрами, ФОМ и ВЦИОМ, исследований, он сохраняет свою актуальность в представлениях россиян, а наличие у человека любви к родине является обязательным условием признания его патриотом своей страны [О патриотизме; 2014; Россияне объяснили, 2020].

В настоящей работе автор обращается к вопросу, как россияне понимают для себя образ родины и долг перед родиной, уделяя особое внимание фактору возраста для анализа ответов респондентов.

Материалами для исследования выступили результаты всероссийского репрезентативного опроса по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта и месту жительства. Генеральная совокупность — граждане России в возрасте 18 лет и старше. Метод опроса — телефонное интервью. Выборка составила 1600 респондентов. Предельная погрешность — 2,5%.

Согласно существующей в российской социально-политической мысли традиции, родина в первую очередь характеризуется через этническое, материнское, через частную сферу жизни человека. Ее наделяют стереотипно женскими чертами женщины-матери (эмоциональность, заботливость, милосердие, сострадание) [Рябов, 2001].

Данная идея находит отражение и в представлениях россиян. В ассоциациях, связанных с родиной, преобладают ответы, касающиеся частной сферы жизни человека: «семья, родные, близкие» (22%), «мама, Родина-мать» (7%), «дом» (15%), «родной край» (8%), «леса, поля, озера, природа» (9%), «место рождения» (8%) и т. п. При этом обращает на себя внимание то, что родина в первую очередь ассоциируется с семьей и, в особенности, с матерью (в сумме 29% ответов). Ассоциация с семьей является одинаково распространенным ответом среди всех возрастных групп, однако отметим — среди респондентов 18–24 лет также часто встречающимися ассоциациями

являются дом (36%) и ассоциации, связанные с природой (17%), что менее распространено среди старших респондентов.

В целом можно говорить о том, что родина в представлениях россиян ассоциируется с матерью, поскольку большинство респондентов (62%) выразили согласие с проведением аналогии между отношениями ребенка с матерью и отношениями человека с родиной. В представлениях респондентов главной общей чертой является безграничная, безоговорочная любовь (23%). Среди возрастных групп чаще такой ответ давали респонденты старше 65 лет (35%), реже — респонденты 18–24 и 25–34 лет (7 и 14% соответственно). Также общим в отношениях ребенка с матерью и отношениях человека с родиной респонденты считают поддержку, заботу, опеку (10%), связь, привязанность, близость (9%), воспитание, взращивание (7%).

Среди опрошенных россиян 18% оказались не согласны с проведением аналогии между отношениями ребенка с матерью и отношениями человека с родиной. Здесь ярко наблюдается дифференциация распространенности ответов по возрасту респондентов. Если на уровне ассоциаций младшие респонденты приводили ответы, связанные с семьей, то на уровне непосредственного принятия такой аналогии в отношениях с родиной ответы стали более дифференцированы. Среди респондентов 18–24 и 25–34 лет выразили несогласие с семейной аналогией 31 и 27% соответственно, среди респондентов 55–64 и старше 65 лет — 11 и 8% соответственно.

Также большинство респондентов (62%) согласны с тем, что у человека есть долг перед родиной. В представлениях россиян долг понимается в категориях как военного, так и мирного времени. Наиболее популярными ответами о форме выражения долга, ожидаемо, стали защита в целом (23 %) и служба в армии, воинский долг (10 %). Можно сказать, что это достаточно стереотипная позиция. Однако все же большее количество ответов приходится на действия в мирное время, например, работать, трудиться (7%), любить (6%), исполнять гражданские обязанности (5 %), заботиться и помогать (4%) и так далее.

По ответам респондентов видна бóльшая поддержка мнения о наличии долга перед родиной среди старшего поколения. Россияне старше 65 лет чаще говорили о необходимости работать и трудиться на благо родины (15%), служить в армии (15%), любить родину (11%).

В свою очередь, респонденты 18–34 лет чаще говорили о том, что у человека нет долга перед родиной (34%). Среди респондентов 55–64

и старше 65 лет с таким мнением согласны только 10 и 4% соответственно.

Таким образом, на основании представленных данных мы видим, что представления старших респондентов о семейной связи человека с родиной и позитивное эмоциональное отношение к ней последовательно конвертируется в мотивацию выражать в действиях свое отношение к родине. Что касается младших респондентов, то, несмотря на декларируемую ассоциацию родины с семьей, принятие семейной аналогии на личном уровне происходит ограниченно. Соответственно, поведенческая мотивация выражения долга перед родиной является менее распространенной.

Список литературы

О патриотизме // ФОМ: аналитический обзор. 23 апр. 2014 г. URL: <http://fom.ru/TSenosti/11471> (дата обращения: 10.12.2021).

Россияне объяснили, как они понимают патриотизм // ВЦИОМ: аналитический обзор. 20 фев. 2020 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm> (дата обращения: 10.12.2021).

Рябов О. В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России и западной историософии. М.: Ладомир, 2001.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНОГОМЕРНЫХ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ И ВЫЗОВЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Смаль Светлана Владимировна

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: SmalSvetlana@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать символическое измерение последствий политических конфликтов, опираясь на многомерные интегральные индексы (рейтинги беженства, терроризма, миролюбия и другие). Постулируются вызовы для социальной сферы. Ключевая угроза имеет смешанный, политико-

экономический и политико-символический характер: «дети войны» являются «бомбой замедленного действия» как для объектов, так и для субъектов управления, в то время как целенаправленные усилия по интеграции беженцев представляются крайне недостаточными.

Ключевые слова: символическое насилие, социальная политика, многомерные интегральные индексы.

Вопрос измерения в гуманитарных науках всегда стоит остро, особенно в случаях, сопряженных с анализом насилия как одного из аспектов проявления политических конфликтов. В рамках данного доклада предлагается провести измерение насилия, опираясь на ряд многомерных интегральных индексов.

В целом перечень индексов, насчитывающий, например, на агрегаторе ponews.co, порядка 200 показателей. В рамках доклада планируется рассмотреть в целом три группы индексов: 1) измеряющие насилие в его символических проявлениях, таких как оружие и конфликты, 2) направленные на подсчет недобровольного перемещения граждан и 3) демонстрирующие уровень благополучия граждан. В списке индексов, удовлетворяющих вышеперечисленным требованиям, содержится более 25 рейтингов, однако в рамках этих тезисов мы упомянем лишь рейтинг стран по количеству мигрантов, по количеству принятых беженцев, в том числе по странам исхода [Рейтинг стран по количеству мигрантов; Рейтинг стран по количеству принятых беженцев; Численность беженцев по странам исхода], а также глобальные рейтинги миролюбия и терроризма [Глобальный индекс миролюбия; Глобальный индекс терроризма].

Самое удручающее положение по всем этим показателям у таких стран, как Сирия, Афганистан, Судан и Южный Судан, Сомали, Демократическая Республика Конго, Мьянма, Центральноафриканская Республика и Ирак. Индекс терроризма добавляет в этот список еще Индию, а индекс миролюбия стран расширяет список за счет Израиля, Северной Кореи, Чада и России.

Больше всего беженцев приняли за последние 10 лет такие государства, как Турция, Иордания, Палестина, Ливан, Иран и Пакистан — крайне неожиданный для привыкшего к европейскому ракурсу беженства обывателя. Германия, например, едва ли замыкает кросстемпоральную десятку. Всего же общий «вес» мигрантов среди граждан принимающей стороны выше всех в США, Саудовской Аравии, Германии, Великобритании и России.

Интересно, что в 2020 году количество мигрантов женского пола немного превысило количество мигрантов мужского пола в Европе,

Северной Америке и Океании, что было вызвано отчасти более высокой продолжительностью жизни женщин и увеличением спроса на мигрантов женского пола для работ по уходу. Напротив, в Северной Африке и Западной Азии, а также в странах Африки к югу от Сахары количество мигрантов-мужчин значительно превышало количество мигрантов-женщин, что было вызвано более высоким спросом на трудовых мигрантов мужского пола из-за преобладания временных рабочих виз и трудовых договоров [Основные показатели международной миграции].

В чем же заключаются вызовы в сфере социального обеспечения, сопряженные с измерением последствий политических конфликтов? Их целесообразно разделить на несколько групп:

1) вызовы, касающиеся политико-юридического закрепления статуса, позволяющего претендовать на получение помощи от государства (получение статуса беженца или, например, члена семьи врага народа);

2) вызовы политико-экономического характера, составляющие наиболее существенную часть, в связи с тем, что, как правило, именно на различные пособия и иные виды государственной и частной помощи претендуют пострадавшие в политических конфликтах лица;

3) вызовы политико-символического и психологического характера: «ребенок войны», представитель младшего поколения беженцев, знающий, что насилие может быть «нормой», представляет угрозу и сам для себя, и для других объектов управления, и для субъектов управления. Это многочисленное поколение детей растет в ненормальных условиях беженства или вынужденного переселенства, в лагерях и бараках, полностью лишено возможности пройти нормальную социализацию, не имеет образования и даже желания его получить [Смаль, 2021]. Поэтому эти дети неизбежно принимают те условия, в которых они растут, за норму, и могут в дальнейшем применить эти действия в повседневных гражданских и политических практиках.

Таким образом, последствия политических конфликтов в социальной сфере имеют значительный потенциал для дальнейшего, гораздо более подробного, изучения, а символическое измерение последствий политических конфликтов также заслуживает значительно более серьезного анализа, который можно провести, в том числе и в рамках изучения многомерных интегральных индексов.

Список литературы

Глобальный индекс миролюбия. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-peace-index/> (дата обращения 10.12.2021).

Глобальный индекс терроризма. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index> (дата обращения 10.12.2021).

Основные показатели международной миграции на 2020 год. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf (дата обращения 27.11.2021).

Рейтинг стран по количеству мигрантов. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/immigrant-population> (дата обращения 10.12.2021).

Рейтинг стран по количеству принятых беженцев. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/refugee-asylum-migrants> (дата обращения 10.12.2021).

Численность беженцев по странам исхода. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/refugee-territory-origin> (дата обращения 10.12.2021).

Смаль С. В. Государственная политика защиты детства: региональные особенности на примере Социального кодекса Санкт-Петербурга // Комплексные исследования детства. 2021. Т. 3. № 1. С. 5-12. DOI 10.33910/2687-0223-2021-3-1-5-12.

РАЗДЕЛ IV

МЕДВЕДЬ И ДРУГИЕ: БЕСТИАРИЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

БЕСТИАРИЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: КОГНИТИВНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ МЕТАФОР⁶

Рябов Олег Вячеславович

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: riabov1@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются причины использования животных метафор и символов в дискурсе международной и внутренней политики. Выделяются когнитивные, политические и социальные функции бестиария мировой политики

Ключевые слова: Бестиарий, зоометафора, «русский медведь», политический дискурс, легитимация.

Средневековые бестиарии, как известно, имели отношение не только к зоологии, но также к этике и дидактике — образы животных были призваны иллюстрировать различные человеческие качества. Сегодня о бестиариях говорят в значении исследования того, как образы животных используются в произведениях художественной культуры для характеристики человеческого общества [напр.: Бестиарий ненависти, 2021]. Репрезентации различных аспектов политики, как внутренней, так и международной, при помощи символов животных или зоометафор могут быть обозначены как «бестиарий мировой политики». Цель исследования — предложить

---

⁶ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «„Русский медведь“ в современной символической политике: российский и западный контексты».

объяснения востребованности подобных репрезентаций в политическом дискурсе, выделив их функции: когнитивные, политические и социальные.

Говоря о когнитивных функциях политического бестиария, отметим, что они связаны как с подобием человеческого общества животному миру, так и с особенностями мышления человека. В теории когнитивной метафоры было показано, что метафора — это важнейший элемент не только языка, но и мышления; она представляет собой основной когнитивный механизм, используемый человеком для того, чтобы упростить мир, приблизить его к собственному жизненному опыту. Использование зоометафоры, сравнивающей политические отношения с взаимоотношениями в животном мире, помогает переводить сложные вопросы политики на доступный широкой аудитории язык. Это объясняет активное использование животных аллегорий в массовой культуре: в карикатурах, комиксах, видеоиграх; поэтому при исследовании политического бестиария особый интерес представляет такая сфера научного знания, как популярная геополитика.

Позволяя сосредоточиться на одном аспекте понятия, метафора может мешать сосредоточиться на других аспектах, с ней несовместимых [Лакофф, Джонсон, 1990]; это обуславливает значительный манипулятивный потенциал и ее востребованность в пропаганде.

Особое внимание следует уделять анализу использования животных метафор, которое может служить формой символического насилия. При этом происходит перенос на восприятие политики тех значений, которые связаны с тем или иным животным символом, а также с отношениями между человеком и животным. Политические функции бестиария мировой политики, таким образом, связаны с легитимацией отношений власти и подчинения.

Нам представляется, что наиболее эвристичным методологическим фреймом исследования политического бестиария выступает концепция символической политики, понимаемой как «публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова, Миллер, 2021: 11]. Мы предлагаем рассматривать в качестве центрального компонента символической политики и ее основной функции легитимацию политических акторов (а также тех социальных групп, с которыми они ассоциируются, и того социально-политического порядка, который они защищают). Мы исходим из предложенной П. Бергером и Т. Лукманом трактовки

легитимации как объяснения институционального порядка и его оправдания [Berger, Luckmann, 1990].

Говоря о легитимации, следует принимать во внимание такие характеристики легитимности, как референтность и относительность. Подобное понимание предполагает, что делегитимация альтернатив является неотъемлемой частью процесса легитимации власти. В связи с этим мы обосновываем различие позитивной и негативной легитимации. Позитивная легитимация может быть определена как процесс признания или подтверждения права власти на принятие и реализацию политических решений и действий при помощи демонстрации её соответствия аксиологическим и прагматическим критериям. Негативная легитимация предполагает подчеркивание относительной ценности власти по сравнению с её оппонентами в критериях законности, моральности и эффективности [Рябов, Рябова, 2021].

Между тем одним из эффективных приемов делегитимации представителей аутгруппы является их дегуманизация, которая происходит в том числе за счет сравнения их с животными [Haslam, 2006]. Это объясняется, в частности, тем, что человек позиционирует себя в качестве нормы, и эта иерархия человеческого и животного подтверждается другими бинарными оппозициями в культуре Модерности (культура — природа, цивилизация — варварство, Запад — Восток, прогресс — отсталость, рациональное — иррациональное, личное — безличное).

Если на стадии зарождения конфликта дегуманизация выступает средством делегитимации, то в ситуации войны она играет роль оружия символического насилия, занимая важнейшее место в пропаганде, призванной оправдать и объяснить убийство человеческих существ. Сравнение врага с животными является заметной составляющей дискурса военной истории.

Однако образ Другого амбивалентен; зообразы, подобно, скажем, образу благородного дикаря, воплощают не только отсутствие «нормальных», человеческих, качеств, но и наличие альтернативных, которые в политике могут расцениваться как весьма полезные для решения политических задач, будь то свобода от моральных ограничений (вспомним принадлежащее Н. Макиавелли сравнение правителей с львами и лисицами), звериные сила и ярость или же миролюбие животных.

Наконец, отметим социальные функции бестиария мировой политики — интеграционную и дезинтеграционную. Символы по самой природе обладают таким свойством, как способность быть

включенными в создание символических границ [Elgenius, 2011: 13]. Животные символы и метафоры играют роль символических пограничников, объединяя членов одной группы; одновременно с этим они используются для исключения представителей аутгрупп. Это происходит в том числе потому, что символы, выступая универсальным средством коммуникации внутри сообщества, вместе с тем достаточно пластичны с точки зрения своего содержания [Elgenius, 2011: 16]; они «не столько выражают значения, сколько дают нам возможность значения производить» [Cohen, 1985: 15]. Эта пластичность создает простор для интерпретаций, а также обуславливает возможность соперничества за понимание конкретного символа. Например, согласно данным соцопросов, образ русского медведя может наделяться противоположными качествами: американские респонденты считают его воплощением кровожадности и агрессивности, российские — доброты и миролюбия [Рябова, 2012]. Так, образ России-медведя используется в зарубежных странах для проведения не только внешних символических границ, но и внутренних, будучи используемым во внутривнутриполитической борьбе [Клещенко, 2021].

Список литературы

- Бестиарий ненависти: коллективная монография / Под ред. О. Довгий. Тула, 2021.
- Клещенко Л. Л. «Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 806–822.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М., 1990. С. 387–415.
- Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / Под ред. В. В. Лапина и А. И. Миллера. Санкт-Петербург, 2021. С. 7–37.
- Рябов О. В., Рябова Т. Б. Негативная легитимация власти как прием символической политики // Герценовские чтения: Россия–2021. Актуальные вопросы политического знания. Сб. материалов научно-практ. конференции (23 апреля 2021 г.). СПб., 2021. С. 86–91.
- Рябова Т. Б. Медведь как символ России: Социологическое измерение // «Русский медведь»: история, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М., 2012. С. 338–353.
- Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge. New York, 1990.
- Cohen A. The Symbolic Construction of Community. London, 1985.

Elgenius G. Symbols of Nations and Nationalism: Celebrating Nationhood. Basingstoke, 2011.

Haslam N. Dehumanization: An integrative review // Personality and social psychology review. 2006. Vol. 10. No. 3. P. 252–264.

БЕСТИАРНЫЙ КОД МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБРАЗА РУССКОГО МЕДВЕДЯ⁷

Смирнов Дмитрий Григорьевич

Ивановский государственный университет

e-mail: smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. В центре внимания материала образ русского медведя в системе бестиарного геополитического кода. Предложено определение бестиарного кода международных отношений. Выделены две модели, использующие образ русского медведя для (де)легитимации России в рамках международных отношений — Bearphobia и Mishaphilia. Раскрыта специфика указанных когнитивно-семиотических моделей в российском и зарубежном дискурсах.

Ключевые слова: бестиарный код, русский медведь, Russophobia, Bearphobia и Mishaphilia, семиотическая инверсия.

Современная символическая политика представляет собой стохастическое пространство, в котором взаимодействуют различные акторы-носители той или иной модели семиотики. Взгляд здесь всегда приковывает динамический (динамичный) предмет (объект), действия которого, так или иначе, отзываются в политической семиосфере. В этом контексте значение приобретают интерпретационные или объяснительные модели, применяемые игроками для создания и прочтения «посланий» геополитической семиотики.

Особое внимание обращает на себя бестиарный код международных отношений, понимаемый как система релевантных образов, закреплённая в текстах культуры, обладающая когнитивной

---

⁷ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «„Русский медведь“ в современной символической политике: российский и западный контексты».

(познавательной) и семиотической (генеративной) устойчивостью в рамках геополитических коммуникативных практик. Подобный код (де)онтологизирует этологию международных отношений, устанавливая контрадикторность символов, правила их сочетания, соответствие означаемому [см. Эко, 1998].

Система бестиарного кода каждого геополитического актора выстраивается (самоорганизуется) вокруг «тотемного» животного, качественные характеристики которого разделяются (утверждаются в качестве эталонных) носителями общественного сознания [Рябов, 2009]. Биологическая редукция, которая здесь имеет место, закономерно приводит к тому, что политический трофизм (семиотическая система питания — доминирования / подчинения) обуславливается выбором животного символа. Возможно, этот фактор определяет, в свою очередь, «бессознательное» тяготение к конкретному бестиарному образу. Для России — это русский медведь / Russian Bear.

Бестиарий российского общественного сознания включает в себя образы тигра (амурского, уссурийского), орла, собаки, волка, льва, кота (кошки), лошади (коня), лося, оленя, рыси. Символ, который определяет (гео)политическое сознание абсолютного большинства россиян, — это образ медведя: именно это животное, как показывают социологические опросы последних пяти лет, лучше всего олицетворяет Россию и может служить ее национальным символом. На сегодняшний момент можно констатировать, что образ медведя вписался в экосистему международных отношений, став «политическим животным», символизирующим Россию [Бабкина, 2017; Гайлите, 2013; Дзюба, 2017]. Этот символ — символический пограничник [Рябов, Константинова, 2011] — равноценен как внешний, так и внутренний репрезентант (персонификант) страны / государства.

Эвристически ценным представляется анализ таких прикладных моделей бестиарного кода современных международных отношений, как Bearphobia и Mishaphilia, репрезентирующие соответствующие модусы геополитики через апелляцию к амбивалентным означаемым (Bear / Misha; Медведь / Мишка) одного означаемого — образа русского медведя. Первая из них условно предполагает «страх медведя», вторая характеризуется «любовью к медведю». Исследовательская гипотеза настоящего материала заключается в том, что координаты России в дискурсе символической политики задаются этими двумя диаметрально противоположными символическими позициями (ориентациями).

Концептом идеологической и геополитической позиции bearphobia является страх. Заметим, что использование релевантных символов для формирования соответствующей установки, апеллирует не к когнитивной сфере, а делает ставку на неартикулируемые на уровне сознания элементы. Практически поэтический слоган — “fear the Russian bear” — призван породить у адресата подобного сообщения животный ужас. Bearphobia проявляется по-разному в формальном и содержательном планах, она разноинтересна у разных акторов международных отношений. С точки зрения формы превалирует номинативный (указательный, маркерный, назывательный) стиль. Содержательно модель в настоящее время раскрывается слабо. Конструируемые в недрах символической политики образы медведя (будь они вербальные или визуальные) выполняют преимущественно мобилизационную функцию со слабым выходом на формирование в сознании адресатов модели «антироссийского» мира.

Mishaphilia как семиотическая модель международных отношений представляет собой опосредованный (и отсроченный во времени) ответ на попытку капиталистического мира «приручить» Русского медведя [Рябов, 2012]. В нашей терминологии подобное действие над образом, влекущее за собой изменение его семиотической валентности, называется ресемиотизацией. В данном случае имеет место инверсия качеств и отношений, закрепленных за данным символом. Цель Mishaphilia как измерения международных отношений заключается в формировании безопасного (в пределе нейтрального) образа. Концептом данной идеологической и геополитической позиции является любовь / дружба. Образы, вырастающие из реализации политического модуса Mishaphilia, имеют не сигнальную, а знаковую и символную природу. Они, конечно, маркируют Россию как «союзника», но все же уступают в этом отношении образу медведя-врага. Их основной функционал сосредоточен на формировании новых паттернов геополитических отношений и новых концептов устойчивого мирного сосуществования.

Принципиальным отличием использования образа медведя в российском дискурсе символической политики является его реальный (а не номинативный) характер. Здесь мишка / медведь оказывается носителем совершенно определенных отношений и свойств (в случае с мишкой — одних, а в случае с медведем — других). С его помощью формируется не только представление о возможных вариантах международных отношений с участием медведя-России, но и о потребном для медведя-России устройстве мира в целом.

Смысловая пара Russophobia и Bearphobia демонстрирует пересечение дискурсов — реальной политики и символической политики. С философских позиций Russophobia задает онтологический (эссенциалистский) посыл, тогда как Bearphobia — семиотический (гносеологический). С точки зрения семиотической теории Russophobia оказывается означаемым, а Bearphobia предстает как означаемое. Так, Russophobia реальной политики отражается в пространстве символической политики как Bearphobia. Заметим здесь, что здесь одновременно имеет место переход от когнитивного режима восприятия России в аффективный режим. Тождественность России и Медведя, конструируемая при помощи разнообразных медийных средств, носит ассоциативный, а не формально-логический характер — она основана на образном (или даже предметном) стиле восприятия и мышления. Смысловая пара Russophilia и Mishaphilia — гипотетический мыслительный конструкт, вызванный к жизни диалектическим характером международных отношений. Если первый термин и существует в медийном дискурсе, то появление второго — это одна из вероятных траекторий эволюции символической политики.

Современная западноевропейская традиция, придерживающаяся модели Bearphobia, сосредоточилась на использовании преимущественно образа Медведя / Bear для маркирования России как опасного для глобальной устойчивости геополитического игрока [Кокшарова, 2017]. Кейсы репрезентации модели Mishaphilia в англо-саксонском медийном пространстве крайне редки. Российская символическая политика специфична тем, что апеллирует к обоим моделям, используя ту или иную риторику в зависимости от ситуации (от результатов целеполагания). Ее отличие заключается в том, что модель Mishaphilia фокусируется на формировании не просто образа «незловивый Misha», но через этот образ системы международных отношений.

Список литературы

Бабкина В. А. Медвежья метафора в дискурсе немецких СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-3 (77). С. 60–62.

Гайлите Г. Медведь и Латвия: образы латышско-российских отношений в карикатуре // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 029–040.

Дзюба Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 31–40.

Кошкарлова Ю. А. Образ медведя как визуальный маркер России в современной зарубежной пропаганде // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 81–85.

Рябов О. В. Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 195–211.

Рябов О. В. «В лесу есть медведь»: медвежья метафора как оружие холодной войны // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М., 2012. С. 175–190.

Рябов О. В., Константинова М. А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2011. № 6. С. 114–123.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию СПб.: Петрополис, 1998.

«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ» И КАНОНЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МУЖЕСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА⁸

Рябова Татьяна Борисовна

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: riabova2001@inbox.ru

Аннотация. Анализируется, как происходит взаимная легитимация образа русского медведя в роли национального символа и образа мужика в качестве образцовой национальной маскулинности. Автор, привлекая данные социологических исследований в России, а также результаты изучения массовой культуры (прежде всего, сувениров и подарков ко Дню защитника Отечества), делает вывод, что «русский медведь» становится элементом не только политики национальной идентичности, но и фактором формирования гендерного порядка в России.

Ключевые слова: «Русский медведь», маскулинность, «мужик», национальная символика.

---

⁸ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «„Русский медведь“ в современной символической политике: российский и западный контексты».

Данные общероссийских социологических опросов показывают, что символ медведя в последние годы стал одним из наиболее популярных неофициальных символов России. Согласно опросу ФОМ, 65% россиян назвали его правильным, подходящим символом для России (см. подробнее об этом [Рябова, 2020]). Аналогичные данные были получены и в ходе интервью, проведенного нами в четырех российских городах России: мегаполисе (Санкт-Петербурге), столице национальной республики, в культуре которой семантика медведя заметно отличается от русской (Махачкале), среднем городе с преимущественно русским населением (Иванове) и центре региона, в политике региональной идентичности которого активно используется медвежий символ (Ярославле).

Результаты опросов показали, что россияне антропоморфизируют фигуру медведя, наделяют ее человеческими характеристиками [Рябова, 2020]; какие же черты приписываются медведю? Прежде всего, отметим, что в глазах информантов медведь олицетворяет такие качества, как «сила», «сдержанность», «мудрость», «терпеливость», «дружелюбие», «надежность». Пожалуй, самым частым маркером медведя стала его характеристика как защитника своей территории; он миролюбив, но только до той поры, пока на его границы никто не посягает («медведь никогда сам не нападет», «терпит, пока его не задираешь»). При этом он «не лезет к другим». Сила ему нужна лишь для обороны от внешних врагов [Рябова, 2020]. Такая интерпретация силы является одной из причин того, что медведь приемлем в качестве аллегии России для большинства россиян. Именно так, по их мнению, Россия должна вести себя на международной арене.

Другой причиной популярности анализируемого символа является тенденция ассоциирования «русского медведя» с российским мужчиной (которая обозначает себя еще в 2000-х гг., когда образ медведя служил в качестве не национального, а партийного символа [Шабурова, 2002; Рябов, 2009]). Это неудивительно, учитывая то обстоятельство, что набор качеств, атрибутируемый «медведю», соответствует канону российской мужественности, которая утверждается в XXI в. [Рябова, Рябов, 2011; см. также: Wood, 2016]. С одной стороны, в характеристики медведя включаются стереотипные представления о мужском начале (сила, стойкость, смелость, независимость, умение «держат удар»). В этом смысле медведь используется как символ гендерной нормальности. С другой стороны, медведь олицетворяет и специфику национальной мужественности, модели мужика, составляющими которой являются спокойствие, терпение, добродушие, выносливость — канон,

в немалой степен сформированный в противопоставление репрезентациям западной маскулинности.

Таким образом, мы приходим к несколько парадоксальному выводу о том, что образ медведя тем самым становится частью гендерного дискурса и начинает использоваться в качестве символа национальной мужественности. Особенно заметно взаимопроникновение гендерного и национального дискурсов в продукции российской массовой культуры, благодаря которой ассоциирование медведя с мужчиной превращается в элемент повседневности. «Русский медведь» появляется как символ национальной маскулинности в дидактических материалах для школьников, в кино и анимации, в карикатуре, в компьютерных играх [напр.: Белов, 2021]. Наиболее заметно использование символа медведя в поздравлениях и подарках, приуроченных к «мужскому празднику» — Дню защитника Отечества. Надписи на сувенирах и открытках непосредственно отсылают к канону национальной маскулинности или же акцентируют отдельные характеристики мужественности («настоящему мужчине», «настоящему мужику», «сила и мужество»).

Список литературы

Белов С. И. Русский медведь в видеоиграх: символическое наследие Холодной войны и образ актуальной угрозы // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. Материалы IX Всероссийского конгресса политологов. Москва, 16–18 декабря 2021 г. / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Аспект-Пресс, 2021. С. 64–65.

Рябов О. В. Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 195–211.

Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 68–72.

Рябова Т. Б. Символ медведя в современной российской политике глазами избирателей (на материале интервью в г. Санкт-Петербурге) // Герценовские чтения: Россия–2020. СПб., 2020. С. 110–116.

Шабурова О. В. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О муже(N)ственности / Под ред. С. Ушакина. М.: НЛЮ, 2012. С. 532–555.

Wood E. A. 'Hypermasculinity as a Scenario of Power: Vladimir Putin's Iconic Rule, 1999–2008'. *International Feminist Journal of Politics*. 2016. Vol. 18. No 3. P. 329–350.

«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ» КАК СИМВОЛ РОССИИ ДЛЯ ДАГЕСТАНЦЕВ⁹

Мутаев Улубей Курбанбаганович

Ивановский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова

e-mail: ulmut@mail.ru

Аннотация: Представлены результаты исследования, посвященного образу медведя как символа России, проведенного в 2019 г. в Республике Дагестан. Показан как интеграционный, так и дезинтеграционный потенциалы данного символа.

Ключевые слова: «русский медведь», символическая политика, символические границы, Дагестан, дагестанцы.

Как показало наше интервью, проведенное в 2019 г., дагестанцы хорошо знакомы с образом русского медведя. Многие готовы ассоциировать себя с данным символом, главным образом, на верхнем (государственном) уровне той многоуровневой идентичности, которая характерна для Дагестана [Мутаев, 2017: 97]; их, как и значительную часть граждан России, проживающих в других регионах страны, привлекает сила, независимость, неуступчивость «русского медведя» на международной арене. Однако для внутреннего пользования, в границах своей республики, используются другие значения и смыслы исследуемого символа. Как показало интервью, коннотации символа «русский медведь» можно условно разделить на следующие типы.

1. «Русский медведь» как символ отторгается, это характерно для носителей оппозиционных позиций. Однако, если для условных «либералов» отторжение носит умеренный характер, то для исламистов — жесткий.

Мне абсолютно не нравится медведь как символ России. Они [правительство] думают, что медведь может напугать, укрепить их мнение [перед народом] (С., 70 лет, религиозный человек).

---

⁹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «„Русский медведь“ в современной символической политике: российский и западный контексты».

Никогда это [Русский медведь] не будет считаться своим [в Дагестане] <...> Символ Кавказа был барс, из птиц — орел (Х., 70 лет, религиозный человек).

2. Позитивное значение символу придают информанты с лояльными власти политическими взглядами, а также индифферентные к политике россияне. Для них характерно либо ностальгически-советская интерпретация, либо понимание, которое можно обозначить как «сказочно-мультишное»:

Мне нравится этот символ, даже в каком-то году этот символ был на Олимпийских играх, в 80-м году. Мы не забываем про это тоже (А., 65 лет, сторонница власти).

Мне кажется, медведь — это сильное животное, Россия тоже такая, особенно в спорте считается (сильной). (С., 21 год, сторонник власти).

3. Среди индифферентных к политике граждан (особенно это касается молодежи) в отношении образа русского медведя проявляется настороженная позиция; он нередко воспринимается как несущий угрозу:

Мне он кажется более позитивным, хотя, лучше сказать, 50 на 50. Негатив от того, что само животное медведь является агрессивным, и я думаю, Россия, выбрав этот символ, хочет показать свою силу (Л., 16 лет, индифферентных политических взглядов).

«Русский медведь» замыкает многоуровневую идентичность, в рамках которой любой дагестанец, будучи «орлом», в определенных ситуациях, скорее всего на международной арене может почувствовать себя еще и «медведем», как это продемонстрировал Хабиб Нурмагомедов. В рекламе его боев с зарубежными соперниками, проходившими за границей, использовались репрезентации его как “Russian Bear”. Однако это длилось недолго; теперь в качестве «русских медведей» представлены его русские гости, друзья, соперники, а сам он остался «дагестанским орлом» [Борец Александр Медведь, 2021; Дагестанский «Орел», 2018]. Вот как информанты характеризовали эту ситуацию.

Это политическая вещь, его, наверное, заставили надеть [футболку с изображением медведя], я так думаю. Для России это важно. Если он победит, то они пугают [Запад] — медведь уже здесь, и Хабиб тоже их человек, весь Дагестан — тоже как медведь, все мы медведи, всех будем давить, если что — это

политика их [правительства России] (С., 70 лет, религиозный человек).

Ну, вроде он, Хабиб Нурмагомедов, считает, что этот русский символ, ну, российский, и для кавказцев подходит, и на своем примере хочет показать, что кавказцы — тоже россияне, и медведь хороший (Ш., 18 лет, сторонница либеральных взглядов).

Хабиб — он же дагестанский борец, а медведь — это русский символ, они вместе выгоняют Конора [Конор Мак-Грегор — непримиримый соперник Хабиба на ринге] как врага. Он [Хабиб] не представляет Россию, он как бы помогает [России] (Л., 16 лет, индифферентных политических взглядов).

Иными словами, дагестанцы не хотят воспринимать Х. Нурмагомедова «русским медведем», хотя понимают причины, по которым он примерил на себя этот образ. Кроме того, у исследуемого символа в семиотическом пространстве культуры народов Дагестана оказался конкурент в образе «орла», который выполняет ту же функцию символического пограничника применительно к Дагестану, что и «медведь» применительно к России или «русскому миру» [Рябов, Константинова, 2011].

Таким образом, символ русского медведя, с одной стороны, интегрирует этносы, составляющие Россию в единое общество, соединяет прошлое с настоящим, связывает общую историю с современностью, представляя ее как закономерную последовательность сосуществования разных этносов в одном государстве. С другой стороны, этот символ может провоцировать конфликт идентичностей внутри общества, что может усиливать дезинтеграцию и настроения сепаратизма; это необходимо принимать во внимание при проведении информационной политики на различных уровнях органами государственной власти.

Список литературы

Борец Александр Медведь стал узденем Дагестана // Dagpravda. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://dagpravda.ru/obshchestvo/borec-aleksandr-medved-stal-uzdenem-dagestana/> (дата обращения 29.08.2021).

Дагестанский «Орел» и «Русский медведь» провели зарядку в горах Дагестана // REGNUM, МАХАЧКАЛА. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/society/2501337.html> (дата обращения 30.08.2021).

Мутаев У. К. Монумент «Родина — мать зовет!» в символической политике современной России: взгляд из Дагестана // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 96–105.

Рябов О. В., Константинова М. А. «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2011. № 6. С. 114–123.

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ СРЕДСТВАМИ TEXT MINING (Кейс «Русского медведя» в СМИ США)¹⁰

Фролова Юлия Николаевна

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: frolovayuliya@yahoo.com

Аннотация. Автор рассматривает применение современных технологий интеллектуального анализа текста применительно к изучению особенностей репрезентации конкретного политического символа в средствах массовой информации. Делается вывод об интерпретационных возможностях методов исследования символической политики.

Ключевые слова: интеллектуальный анализ текста, «русский медведь», символическая политика, обработка естественного языка.

На сегодняшний день во многих областях гуманитарного знания наблюдается растущий интерес к применению новых технологических методик для анализа текстовой информации. Одним из таких направлений в науке о данных (data science) является интеллектуальный анализ текстов (text mining), который позволяет получить информацию из большого объема неструктурированного текстового материала с применением последних разработок искусственного интеллекта. В частности, указанная методика

---

¹⁰ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «„Русский медведь“ в современной символической политике: российский и западный контексты».

позволяет выявлять основные тенденции использования политической символики в средствах массовой информации и в социальных сетях. Особенности применения методики были исследованы на кейсе репрезентации образа «русского медведя» в современных СМИ США. Материалом для текущего исследования стали базы данных медиаресурса EBSCO [EBSCO], агрегирующего научно-исследовательские базы данных и представляющего широкую выборку полнотекстовых федеральных и региональных американских СМИ за период 2000–2021 гг. Наиболее трудоемкий процесс в интеллектуальном анализе текстов представляют собой этапы сборки необходимых данных, предварительной обработки и нормализации текстов. С этой целью был разработан программный продукт на языке Python, осуществлявший поиск текстов по ключевым словам, их последующее извлечение в базу данных и предварительную обработку. Дальнейшая обработка и сам интеллектуальный анализ были проведены с использованием программной платформы PolyAnalyst [Megatrend].

С помощью функций извлечения ключевых слов и сущностей, а также классификации были выявлены основные тематические контексты употребления символа «русского медведя». Так, ключевой тематической группой употребления символа стала политика — 86%. В результате анализа наиболее часто употребляемых ключевых слов (лидер, выборы, политика, нация, президент и т. д.) и сущностей (имена лидеров государств; организации: Белый дом, Сенат, НАТО, администрация Обамы и так далее) были выявлены основные политические темы использования американскими журналистами метафоры «русского медведя»: избирательные кампании президентов США, аспекты российско-американских отношений, проблемы американской внешней политики, взаимодействие России и США в рамках крупных международных организаций, вопросы взаимодействия России и НАТО и некоторые другие.

С помощью морфологического анализа и категоризации были выявлены характеристики символа «русского медведя», которые можно сгруппировать следующим образом:

1. К «русскому медведю» применяются характеристики агрессивности и силы. Одним из показателей угрожающего русского медведя является его символический размер: русский медведь большой. Он может быть большим и значимым, большим и пугающим, и даже большим и противным, например, в контексте грузинских событий 2008 года. Еще один показатель агрессивности: «русский медведь» дерется (fights). Отдельно подчеркивается жажда крови:

например, действия России в Крыму сравниваются с действиями Гитлера перед Второй мировой войной.

2. В контексте крымской темы также упоминаются «объятия русского медведя», из которых хотят вырваться украинцы. Аналогичную аллегория можно увидеть в контексте вступления Грузии в ЕС. Объятия «русского медведя» ассоциируются с цепкой хваткой. Метафора медвежьих объятий довольно популярна: ее можно встретить в текстах, посвященных отношениям политиков, в статьях о годовщине Санкт-Петербурга и других.

3. Отдельным тематическим блоком выделяется метафора «рычания русского медведя». Например, рычание «русского медведя» не позволяет странам Балтии стать членами НАТО, а также является камнем преткновения в вопросе расширения НАТО на Восток. «Русский медведь рычит в ответ», когда речь заходит об обвинениях в адрес России в антидемократических действиях; он рычит, когда президент Грузии посылает солдат в Южную Осетию; рычащий русский медведь наводит ужас на европейцев.

4. «Тыкать русского медведя» (тыкать палкой/дразнить русского медведя) — популярное идиоматическое выражение. Военные учения стран НАТО в Польше в 2016 году представлены в американской прессе как «удар палкой по русскому медведю». Метафора опасности «тыкать русского медведя палкой» также популярна в дискурсе политики Европейского союза.

5. В обсуждениях российско-американских отношений «русский медведь» часто упоминается в контексте Холодной войны. Такие образы возникают в условиях обострения отношений между двумя странами по вопросам Крыма, Грузии и т. д. Журналисты пишут о возможной новой Холодной войне, но в то же время современный «русский медведь» — это уже медведь периода после холодной войны.

6. Образ русского медведя олицетворяет как страну, так и ее лидера. В некоторых текстах эта метафора используется, когда речь идет обо всей стране, а в других президент РФ описывается как «русский медведь».

Таким образом, инструменты интеллектуального анализа текста позволили выявить основные тренды в характеристике образа «русского медведя», крупные тематические группы и контексты использования символа. Эффективность применения методов обуславливается в том числе языком исследуемых материалов — английским, для которого такие технологии постоянно развиваются. В силу гомогенности ключевых характеристик образа стала возможной достаточно целостная интерпретация его использования, что, однако,

представляло бы трудность, если бы распределение не было таким однородным.

Список литературы

EBSCO Information Services. URL: <https://www.ebsco.com/> (дата обращения: 10.12.2021).

Polyanalyst Software. URL: <https://www.megaputer.com/> (дата обращения: 10.12.2021).

МЕДВЕДЬ И СКОТНЫЙ ДВОР. ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В СОВЕТСКОМ / РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ КОМИКСЕ 1980–1990-х гг.¹¹

Спутницкая Нина Юрьевна

Всероссийский государственный институт кинематографии

e-mail: ninadormouse@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматриваются базовые модели развития образа медведя в комиксе 1980–1990-х гг., включая его экранизации в анимации. Выявляются функции персонажа, его специфика и стратегии взаимодействия с другими животными персонажами. Рассматривается эволюция персонажа в комиксе на рубеже десятилетий, определяются функции антагонистов и способы медиарепрезентации Другого посредством звериной метафоры.

Ключевые слова: Звериная метафора, комикс, детская культура, Холодная война, медиарепрезентация, медведь, Хрюша.

1. Централизации комикса в СССР должно было служить специальное детское издание рисованных историй [Веселые картинки, 1956–1999]. И если в анимации царил «зоопарк» [РГАЛИ: Л. 3], то в комиксах журнала «Веселые картинки» первенство было отведено человеческим персонажам. К 1980-м гг., несмотря на популярность медведя в детской культуре и кинематографе [Левинг, 2008; Рябов, Лазари, 2012; Спутницкая, 2021], в советском комиксе «русский

---

¹¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «„Русский медведь“ в современной символической политике: российский и западный контексты».

медведь» не сложился как самобытный персонаж [Галимова, 2020; Ескина, 2012].

2. В США был накоплен достаточный опыт использования анимационных персонажей в комиксе для пропаганды различных культурных инициатив [Wells, 2014: 97–100].

3. Поворотным событием в продвижении положительно окрашенного образа хищника на страницах советского комикса стала Олимпиада 1980 г. [Бородин, 2014]. Июльский номер «Веселых картинок» 1980 г. украшал Миша Олимпийский; при этом он был изображен в тандеме с Микки Маусом. И если в аналогичной печатной продукции США Гуффи предстал в роли обывателя, то Миша выступал в качестве мудреца.

4. Особую актуальность в период президентства Р. Рейгана приобретает персонаж “Marvel” Урса — советский майор-оборотень, появившийся на страницах комиксов в 1981 г.¹² В отличие от американского оборотня Халка, под личиной которого скрыт ученый, в Большую Медведицу обречен превращаться военный Михаил Юрьевич Арсус, что стало одним из приемов создания образа СССР как милитаристской «империи Зла».

5. Персонажи американской анимации в позднесоветских графических историях предстают в качестве дружелюбно настроенных медиаторов. Другой герой перестал быть Чужим.

6. Функции наставника, которыми в США наделяют образ медведя на рубеже 1980–1090-х гг., выявляются на материале персонажей графических романов по мотивам телесериалов «Чудеса на виражах», «Мишки Гамми» и др. [The Disney Channel Magazine, 1990: 22, 34, 37, 46, 49–53, 57–59]. Однако в США по-прежнему был актуален образ медведя как Другого, а русские персонажи были представлены через метафоры свиней (в частности, «Чудеса на виражах», 22-я серия) и быков («Черный плащ», персонаж Бульба), актуализируя дискурс Холодной войны.

7. Проекты «Чудеса на виражах» и «Черный плащ» подчеркнута синефиличны («Чудеса на виражах» представляет собой парафраз фильма «Только у ангелов есть крылья», 1939); через фигуры летчика (Балу) и агента разведки (Черный плащ) в них осуществляется критика дискурса Холодной войны.

8. Миша Олимпийский как представитель коллектива в 1980-х гг. и «русский медведь» — представитель патриархального уклада, отрицающий прогресс, представляли две магистральные тенденции

---

¹² В комиксе “The Incredible Hulk”. Vol. 2. N 258 (April 1981).

развития метафоры в постсоветской массовой культуре. Исполненный И. Кожевниковым карандашом и тушью образ медведя-богатыря журнала «Мишка», выходявшего в начале 1990-х гг. в издательстве «Велес», был ориентирован на подростковую и взрослую аудиторию. Этот персонаж демонстрировал агрессивную маскулинность, в отличие от наивного и находчивого персонажа детского журнала «Мишка».

9. В 1990-х гг. комиксы в детских журналах свидетельствуют о пересмотре отношений к животным персонажам; в частности, получают развитие образы кабанчика Хрюши, созданного В. Горбачевым, и медвежонка-космополита в журнале «Миша», (издавался с 1984 г.).

Список литературы

Бородин Г. Олимпиада как мультфильм. 2014. 7 февраля. URL: https://seance.ru/articles/olympics_animation

Галимова Д. Н. Детская социальная реклама в журнале «Веселые картинки» (советский период) // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы национальной научной конференции с международным участием / Под ред. Н. Г. Архиповой, Н. В. Лагута, Г. Старыгиной. Благовещенск, 2020. С. 133–140.

Веселые картинки // Бариус [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barius.ru/biblioteka/tag/10>

Ескина Е. В. Советская книжная иллюстрация и неофициальное искусство конца 1950–1980-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 4. С. 103–115.

Левинг Ю. «Кто-то там все-таки есть...»: Винни-Пух и новая эстетика // Веселые человечки: культурные герои советского детства. М., 2008. С. 315–353.

РГАЛИ. Ф. 2469. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3.

Рябов О. В., Лазари А. де. (ред) «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012.

Спутницкая Н. Овечья шкура. Анимационный блокбастер // Искусство кино. 2017. № 4/5. С. 34–43.

The Disney Channel Magazine. Volume 8. 1990.

Wells P. Animation, Sport and Culture. London. 2014.

РОССИЯ В ОБРАЗЕ МЕДВЕДЯ: ВЗГЛЯД ИЗ США (на материале интервью)¹³

Клещенко Людмила Леонидовна

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

e-mail: ludmila.popova2011@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования отношения граждан США к одному из неофициальных символов России, «русскому медведю». Основываясь на данных интервью, автор показывает, что оценки содержания символа зависят от политических ориентаций респондентов.

Ключевые слова: Русский медведь, имидж России, политический символ, символическая политика.

Общественное мнение жителей США в отношении внешнеполитических вопросов, международных отношений в целом и двусторонних отношений России–США в частности, способно влиять как на внутриполитическую повестку в стране, так и на принятие внешнеполитических решений. В современных демократических государствах оценки гражданами внешнеполитических действий, имиджа той или иной страны принимаются во внимание при принятии решений, что обуславливает важность изучения общественного мнения о внешней политике.

Образ России-медведя в настоящее время широко распространен в международных отношениях. Как отмечают исследователи, медвежья метафора используется на Западе, как правило, для проведения символической границы с Россией [Рябов, 2016: 325]. Образ России-медведя может также использоваться как символ превосходства России и ее мессианской роли в мировой политике, в том числе в ироническом ключе [Клещенко, 2021: 815].

Цель настоящего исследования: определить специфику восприятия образа России-медведя в США. Метод: полуструктурированное интервью, позволяющее проанализировать социальные представления

---

¹³ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «„Русский медведь“ в современной символической политике: российский и западный контексты».

жителей США о символе и его оценку. Респонденты квоцировались по полу, возрасту, образованию, политическим ориентациям.

Исследование показало, что американские респонденты в большинстве своем считают, что «русский медведь» известен в США. Некоторые респонденты старших возрастных групп указывают на то, что символ был более популярен и узнаваем в прошлом, в период Холодной войны. Отвечая на вопрос о том, почему Россию изображают в качестве медведя, американские информанты прежде всего вспоминают большой размер медведя и его силу, дикую природу России.

В отношении того, является ли образ России-медведя нейтральным, положительным или отрицательным в их стране, позиции респондентов разнятся. Информанты объясняют это тем, что медведь может быть изображен как забавным, так и свирепым, все зависит от намерения автора. Среди респондентов, разделяющих ценности республиканской партии, больше тех, кто считает медведя положительным символом, способным принести пользу имиджу России на международной арене. Такие оценки могут быть связаны с тем, что республиканцы разделяют представление о том, что сила является ведущим регулятором на международной арене и легитимным способом защиты национальных интересов. Те информанты, кто считает медведя отрицательным символом, объясняют это наличием негативных коннотаций, связанных с Холодной войной. В целом большинство американских информантов считает символ медведя подходящим для России.

В ходе интервью были использованы проективные методики. Респондентам было предложено ознакомиться с визуальными стимульными материалами, в том числе с политической карикатурой популярного в России художника Виталия Подвицкого, изображающей «русского медведя» и «Дядю Сэма» «Превед, Сэм» [Подвицкий].

Исследование показало, что интерпретации информантами карикатуры В. Подвицкого обусловлены различием их политических позиций. Среди американских респондентов — сторонников республиканской партии доминирует мнение о том, что «русский медведь» на карикатуре символизирует положительные качества, такие как сила, способность защитить людей, пострадавших от действий Соединенных Штатов, бесстрашие. В то время как Дядя Сэм изображен в негативном ключе, слабым и беспомощным. Оценки персонажей карикатуры сторонниками демократической партии менее однородны. Есть те, кто считает отрицательными персонажами обоих

героев. Другие жалеют Дядю Сэма, а агрессивность инкриминируют именно медведю.

Таким образом, можно заключить, что оценки символа «русский медведь» различны в зависимости от политических ориентаций информантов.

Список литературы

Рябов О. В. Медвежья метафора России как фактор международных отношений // Лингвокультурология. 2016 № 10. С. 315–333.

Клеценко Л. Л. «Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 806–822. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-806-822.

Подвицкий В. «Превед, Сэм»: карикатура. 05.03.2014. Электронный ресурс. URL: <https://caricatura.ru/art/podvitski/url/daily/podvitski/723/> (дата обращения 10.12.2021).

ЗУБР И АИСТ КАК СИМВОЛЫ МИРА В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Лебедева Марина Леонидовна

Белорусский государственный университет

e-mail: lebedzeva1612@gmail.com

Аннотация. Символы мира в общественно-политическом дискурсе способствуют формированию позитивного неконфликтного имиджа группы. Этимология белорусских символов мира — зубра и аиста — в парадигме бестиария мировой политики, их рецепция в культуре и медиа указывают на актуальность положительных образов в социально-политической коммуникации.

Ключевые слова: символ, дискурс, имидж, конфликт, рецепция.

Современное общественно-политическое высказывание в медиа обуславливается как необходимостью эффективного воздействия на аудиторию, способствующего формированию мировоззренческих

установок последней, так и запросом самого медиапотребителя, который в условиях информационной избыточности стремится к лаконичным сетевым форматам, использует для получения новостей и аналитики новые медиа (социальные сети, каналы мессенджеров и др.). Вместе с тем в медиапотреблении остается высоким удельный вес аудиовизуальных средств массовой информации, которые активно представлены в сети. Межгрупповое взаимодействие на уровне государств, стран, содружеств в современных условиях, а также внутригрупповые процессы определяет необходимость культивации в медиапространстве положительных образов, выполняющих компенсаторную функцию по отношению к реальному или потенциальному негативному конфликтному нарративу.

В белорусской медийной практике традиционными символами с закрепленным за ними спектром значений выступают зубр и аист, которые не связаны между собой непосредственно, однако активизирующие в сознании группы представления о мире, безопасности как базовых ценностей. Кроме того, народное сознание (связь с фольклором).

Образ зубра при этом амбивалентен. Олицетворяя могущество и силу, однако и мир, и мудрость в белорусской историко-культурной традиции закономерно ассоциируется с «Песней о зубре» (1521) Николая Гусовского («Песня пра зубра» Міколы Гусоўскага; по замыслу — “*Carmen de statura feritate ac venatione Bisontis*”; переведена на русский язык В. Дорошкевичем, Якова Порецким, И. Семеженовым (Язэп Семяжон) в 1980-м г.). Обращенное к «светлейшей повелительнице и госпоже Боне Божьей Милостью Королеве Польши, Великой Княгине Литвы, Руси, Пруссии и пр. Государыне», это сочинение просветительского характера уже в преамбуле содержит мотивацию, почему просвещение важно для процветания страны. «Государство опирается больше на доблесть духа, чем на силу тела, о чем свидетельствуют как греки, так и римляне. Наиболее могущественны они были тогда, когда расцветали науки» [Гусовский: 2008]. «Песнь о зубре» вплетается, таким образом, в актуальный для времени создания поэмы политический дискурс. Само же описание зубра, его характера и поведения показательны: «Хищным животным не ровня, свирепостью ж превосходя их, Зубр для людей безопасен. Не тронешь его — не затронет, Но неусыпно следит, как дозорный, за каждым движеньем; Зверя смелее не сыщешь в лесном нашем крае. Видишь, бывало, пасется спокойно, глазами ж Зорко поводит, косит ими вправо и влево. Ты притаился, охотник, казалось бы, скрыт за кустами — Где

там! Все видит. Ты глазом моргнул — замечает» [Гусовский: 2008]. Акцент делается на безопасности зубра, его смелости, зоркости, готовности постоять за себя, если возникнет необходимость, и эти характеристики трансформируются в общественном сознании и дискурсе в закрепленные смыслы.

В культурной практике XX века не только не утрачивается актуальность «Песни о зубре» (сделан ряд переводов на белорусский, русский, польский языки), но и популяризируется само произведение и его центральный образ. Так, в 1982 году режиссер О. Белоусов на киностудии «Беларусьфильм» снял мультипликационный фильм по мотивам одноименной поэмы «Песнь о зубре». Используемый в белорусской геральдике (гербы Брестской и Гродненской областей, Беловежской пушчи), зубр как символ актуализирован и в новейшей спортивной символике (эмблема хоккейного клуба «Динамо», талисман чемпионата мира по хоккею 2014 г.), отождествляется с силой, мощью и миролюбием.

В современном теле- и интернет-дискурсе зубр как символ с закрепленной за ним положительной семантикой культивируется действительно часто. Так, в эфире телеканала «Беларусь 24», рассчитанного на международную аудиторию, в программе «Акценты» проговаривается: «Более 25% от мировой численности зубров живет в Беларуси. Зубр — хозяин Беловежской пушчи, национальный символ белорусской земли. Для сохранения и поддержания популяции животных в Беларуси проводят генетическую паспортизацию зубров. Зубр занесен в Красный список Международного союза охраны природы. Пять белорусских зубров пополняют национальный парк “Смоленское Поозерье” в России» [Беларусь 24: 2017]. То, что зубр является именно национальным символом, неоднократно акцентируется в сюжете.

В эфире телеканала «Мир» (опять же формат международного вещания) в «Специальном репортаже» анонсируется: «Чем зубры покорили жителей Беларуси? Магниты, кружки, конфеты — изображение редкого зверя есть на всех белорусских сувенирах. Сегодня король пушчи по праву считается символом страны» [Мир: 2016]. Символическое значение зубра в презентации страны на международном уровне и в объединительном внутривосточном дискурсе видится максимально подчеркиваемым в СМИ, вносит вклад в формирование положительного имиджа как такового. На различных уровнях социальной коммуникации это также находит свое отражение. В частности, в материалах туристических порталов (poshuk.info, tio.by и др.), их аккаунтах в социальных сетях. Примечательно, что

и в российском медиадискурсе зубр оценивается как символ мира. Так, например, журналист Е. В. Тимонова, автор научно-популярной передачи «Все как у зверей», издала книгу (в том числе цифровую аудиокнигу) «Зубр, символ мира» [Тимонова: 2021].

В парадигме белорусских национальных символов важное место отводится аисту, который ассоциируется с домом, семьей, что актуализировано в нарративе Великой Отечественной войны и послевоенном созидании, сохраняет свое значение и в современном общественно-политическом сетевом высказывании. «Аист. В белорусском языке существует два наименования этой птицы — “бусел (буслік)” и “лялько”. <...> Благодаря ансамблю “Песняры” и песне на стихи Николая Добронравова “Белый аист летит, над белесым Полесьем летит...” в представлении многих славян аист связан именно с нашей синеокой республикой» [Боговец: 2021]. Делается акцент и на художественной рецепции образа аиста в белорусской литературе XX века: «Не остался в стороне и писатель Владимир Короткевич, дав Беларуси поэтическое название „Земля под белыми крыльями“. Так называется его книга о нашей стране. В предисловии к ней написано: „...аисты, они летят над моей Родиной, их тысячи и тысячи — кто может сказать, сколько?“» [Боговец: 2021]. Связь фольклорного образа аиста с современным символом мирного, доброго, с символом родины, положительные ассоциации, возникающие у аудитории как при его визуальном восприятии, так и во внутритекстовом воплощении, свидетельствуют о востребованности позитивной стратегии репрезентации узнаваемых образов, осмысливаемых в качестве «своих», исконных.

Актуализация символов мира в условиях конфликтного межгруппового взаимодействия является важной частью примирительного дискурса. Закрепленность в общественном сознании семантических характеристик таких национальных символов, как зубр и аист, их рецепция в современной культуре (причем не только белорусской) свидетельствуют об актуальности и уместности воспроизведения этих образов в медиа в рамках реализации позитивных моделей информационного сопровождения конфликта.

Список литературы

Акценты. Зубр — символ Беларуси // Беларусь 24. Интернет-портал. Сетевое издание. URL: <https://belarus24.by/news/society/zubr-simvol-belarusi/> 26.06.2017. (дата обращения: 22.11.2021).

Боговец О. Аист — символ Беларуси, символ миролюбия и мудрости // URL: <https://www.bsmu.by/allarticles/rubric4/page31/article3587/> 01.04.2021. (дата обращения: 29.11.2021).

Гусовский Н. Песнь о зубре // URL: https://library.by/portalus/modules/belpoetry/readme.php?subaction=showfull&id=141775262&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.11.2021).

Зубр — символ Беларуси. Специальный репортаж // «Мир». Интернет-портал. Сетевое издание. URL: <http://mirtv.ru/video/37007> 27.05.2016 (дата обращения: 12.11.2021).

Тимонова Е. В. Зубр, символ мира // URL: <https://www.ozon.ru/product/zubr-simvol-mira-144863176/?sh=pvuHi8AE> (дата обращения 29.11.2021).

РУССКИЙ МЕДВЕДЬ ВО ФРАНЦИИ. К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ЖИВОГО ТАЛИСМАНА 5-го ОСОБОГО ПОЛКА РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА В 1916–1918 гг.

Сильченко Иван Сергеевич

Технический университет УГМК

e-mail: +79022777814@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена судьбе медведицы — талисмана 5-го особого полка Русского экспедиционного корпуса, сражавшегося в годы Первой мировой войны на территории Франции. С помощью новых источников автор не только освещает судьбу медведицы, но и делает выводы о том, что живой талисман содействовал консолидации русских солдат на неформальном уровне и мог способствовать их психологической адаптации.

Ключевые слова: Русский экспедиционный корпус; 5-й особый полк; талисман 5-го полка.

В апреле 2015 г. в коммуне Курси, расположенной во французском регионе Шампань-Арденны, был открыт памятник солдатам Русского экспедиционного корпуса, воевавшим на территории Франции в годы Первой мировой войны.

Памятник представляет собою фигуру русского солдата, держащего в одной руке маленькую девочку, а в другой — детскую игрушку, плюшевого медвежонка. По словам скульптора памятника, А. Тартынова, игрушка «является олицетворением живого медведя

Мишки, которого русские солдаты привезли с собой из России» [Памятник].

Медведь-талисман 5-го особого полка 3-й особой бригады неоднократно упоминался отечественными и зарубежными исследователями истории Русского экспедиционного корпуса во Франции. При этом данный сюжет зачастую не подтверждался источниками и в большей степени относился к сфере мифов, чем к сфере реальных исторических событий.

В настоящее время развитие интернет-коммуникаций значительно упростило работу с иностранными источниками. Среди электронных ресурсов, численность которых с каждым годом увеличивается, особенно выделяется электронная версия Национальной библиотеки Франции “Galika”. Данная площадка предоставляет исследователям доступ к более чем 6 млн оцифрованных материалов, среди которых содержится представительная выборка французской прессы периода Первой мировой войны. Периодическая литература описывает ряд военных и бытовых особенностей пребывания русских бригад во Франции.

Так в газете “Le Galois” 19 января 1919 г. было опубликовано письмо полковника Г. С. Готуа заместителю председателя парижского городского совета А. Шерью [Le Galois, 1919: 2]. Будучи командиром «Русского легиона чести» — подразделения, сформированного после событий в лагере Ля-Куртин из желавших продолжать сражаться солдат и офицеров, Г. С. Готуа в своем письме выражал желание подарить медведицу по имени Мишка французской столице.

В своем послании Г. С. Готуа отмечал: «Сегодня мы, русские легионеры, покидая Францию, где мы сражались до последнего часа, и выражая нашу глубокую признательность городу Парижу, хотим подарить ему нашу медведицу-талисман — Мишку, нашу верную спутницу, которая разделяла с нами все невзгоды и радости» [ibid].

Медведица родилась в 1916 г. на Урале. В возрасте пяти месяцев она была куплена офицерами 5-го особого полка поручиком Виктором Николаевичем Черняком и поручиком Александром Кузьмичом Пратчеком [ibid]. Привыкшее к людям и не проявлявшее агрессии животное вместе с личным составом 5-го особого полка в конце июля 1916 г. по железной дороге было отправлено в г. Архангельск, откуда морским транспортом переправлено во французский порт Брест.

Несмотря на то, что прибытие солдат и офицеров 3-й бригады отмечалось значительно скромнее, чем выход на французский берег их предшественников из 1-й бригады, медведица, получившая к тому времени незамысловатую кличку «Мишка», была встречена

с неподдельным интересом французских граждан и привлекала особое внимание. В настоящее время часть исследователей истории Русского экспедиционного корпуса утверждает, что медведица имела кличку «Земляк», однако нам не удалось обнаружить источники, подтверждающие данную информацию. Имеющиеся в нашем распоряжении источники и исследования дают основания полагать, что животное имело кличку «Мишка».

Совместно с личным составом бригады, медведица Мишка была отправлена в тренировочный лагерь Майи [ibid]. 1 октября 1916 г. 5-й и 6-й особые полки сменили подразделения 1-й русской бригады на позициях в районе коммуны Оберив (сектор Оберив), расположенной севернее г. Реймс. В период оборонительных боев были убиты и ранены сотни солдат 3-й особой бригады, при этом помимо пулеметов и артиллерии, противник неоднократно применял отравляющие газы. Так, во время газовой атаки на позиции 5-го особого полка, произведенной противником 18 января 1917 г., спасаясь от удушья, медведица засунула морду в снег, однако все же получила отравление. После трехдневного лечения молоком здоровье Мишки было восстановлено, и она снова вернулась на фронт. После полученного ранения медведица была зачислена на особый паек [Забелин, 1996: 59]. Во время следующей газовой атаки солдаты 5-го особого полка попытались надеть на медведицу маску, однако, почуяв запах газов, она испугала нескольких человек и забралась на высокую сосну. На дереве животное просидело несколько часов и спустилось только после рассеивания газовой волны [там же].

Находясь на переднем крае, Мишка пристрастилась к вину и часто проверяла содержимое солдатских фляг, лежавших на брустверах. Причем по воспоминаниям очевидцев, ей больше всего нравился напиток, приготовленный из белых сортов винограда [там же]. В один из моментов, после употребления вина, Мишка миновала переднюю линию обороны, запуталась в инженерных заграждениях и подняла рев. Чтобы выволить животное, солдатам пришлось вырезать колючую проволоку [там же].

Зная ходы сообщения, медведица иногда выходила к месту дислокации французских солдат. При этом в своей работе, посвященной русским бригадам, Ю. Н. Данилов утверждал, что медведица привыкла только к цвету униформы российских солдат и с недоверием относилась к французам, имевшим серо-голубую форму [Данилов, 1933: 50].

Летом 1917 г. после участия в неудачном наступлении, вошедшим в историю как «мясорубка Нивеля», русские полки были

отправлены в лагерь Ля-Куртин близ Лимонжа. В Ля-Куртине произошел раскол русского корпуса на тех, кто не желал воевать и требовал немедленной отправки в Россию, и верных Временному правительству солдат и офицеров.

Желавшие сражаться были перемещены в лагерь Фельтен, откуда отправлены в лагерь Курно в районе г. Бордо. С войсками, лояльными Временному правительству, Мишка также покинула Ля-Куртин и в ноябре 1917 г. была зачислена в ряды Русского легиона чести. Стоит отметить, что бессменным хозяином медведицы оставался штабс-капитан А. К. Пратчек, и именно он, покинув Ля-Куртин, взял животное с собой [Le Galois, 1919: 2.].

В январе 1918 г. Русский легион чести был прикомандирован к Марокканской ударной дивизии. Во время смотра прибывших пополнений командир дивизии генерал Альберт Дауган, заметив Мишку, остановился перед ним и отдал воинское приветствие. После этого случая животное стало знаменитостью, и особым приказом было поставлено на солдатский паек [5].

На фронте Мишка находилась недолго: лошади пугались уже повзрослевшую медведицу, и животное было отправлено в дивизионный тренировочный корпус Иностранного легиона.

В составе корпуса Мишка следовала за всеми перемещениями Морокканской дивизии, а в округе Суасон сбежала и несколько дней провела в лесу Виллер-Котре. После поимки медведица в сентябре 1918 г. была передана обратно в Русский легион чести, с которым находилась на территории Германии [Le Galois, 1919: 2.].

В конце 1918 г. было решено использовать личный состав Легиона чести для борьбы с большевиками и перебросить солдат и офицеров морским путем в порт Новороссийска. «Поскольку медведи прекрасно ладят друг с другом, и им неведомы преимущества большевизма, полковник Готуа, в полном согласии со своими легионерами, решил преподнести меня (газетная статья написана в виде рассказа от лица медведицы.) в подарок городу Парижу. Капитан Фрачек, за которым я доселе повсюду следовала, сказал мне, что в Париже обо мне позаботятся еще лучше, чем это может сделать он сам» [ibid].

Медведица была помещена в зоопарк сада Аклиматисьон, расположенного в Булонском лесу. Для того, чтобы не беспокоиться о дальнейшей судьбе Мишки, группа офицеров обратилась к известной в то время французской певице Ж-Ф. Буржуа (Мистенгет) с просьбой стать «крестной матерью» животного, на что она с удовольствием согласилась [Штабс-капитан В. Васильев].

В зоопарке Мишка жила по меньшей мере до начала 1930-х гг. Так, Ж. Петров со своим отцом, солдатом французского Иностранного легиона русского происхождения, в 1930 г. посещали животное в саду Аклиматисьон [La gazette, 2012: 9]. Ж. Петров отмечал, что рядом с клеткой, в которую была помещена медведица, находилась информационная табличка, украшенная лентой цветов российского флага и изображением французского военного креста. После обращения к медведице на русском языке Мишка подошла к клетке, встала на задние лапы и зарычала [ibid].

История Мишки явилась уникальным примером использования животного в качестве талисмана русского подразделения в годы Первой мировой войны. Медведица, как и полковые реликвии, играла объединяющую роль и подчеркивала уникальность подразделения. Вместе с тем, в отличие от официальных реликвий, вызывавших «священный трепет», животное вносило элемент неформальности и могло в какой-то мере способствовать психологической адаптации солдат, ставших свидетелями ужасов войны.

Для союзников по Антанте медведь, являвшийся до этого олицетворением России, стал своеобразным символом русских бригад, сражавшихся во Франции. И даже сегодня, спустя более ста лет, этот символ не забыт, и медведица Мишка известна всем, кто прикасался к истории Русского экспедиционного корпуса.

Список литературы

Штабс-капитан В. Васильев. Русский легион чести. URL: http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm#vasiljev (дата обращения: 10.12.2021).

Данилов Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916-1918 гг.: (по материалам архивов французского военного министерства). Париж, 1933.

Забелин С. Н. Русские войска во Франции. Бюллетень объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. № 51. 1996.

Памятник русским солдатам открыли на территории Франции. РИА Новости. Электронный ресурс. URL: <https://ria.ru/20150426/1060977830.html>

Le Galois. 1919. 19.01. № 19.

La gazette de l'ours mishka, la mascotte de corps expeditionale russie. 2012. 07.05. № 7.

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Chikalova I. R. “King, law and freedom”: the victim and the symbol of resistance — Belgium (Russian publications of the great war period)

Abstract. The report focuses on the responses of Russian cultural figures to the fate of Belgium, which became a victim of German aggression during the First World War. They created the image of Belgium and its people as a symbol of courage and resistance, showing strength and courage in unequal combat.

Key words: Belgium; Germany; Russia; World War I; periodicals; literary collections.

Frolova Y. N. Analysis of political symbol representation using text mining methods (“Russian bear” in the US mass media)

Abstract. The author analyzes the use of text mining technologies in studying the representation of a particular political symbol in the mass media. The conclusion is made about the interpretative possibilities of the methods in symbolic politics.

Key words: text mining, “Russian bear”, symbolic politics, natural language processing (NLP).

Grebenkin A. N. The impact of the 1917 revolution and the civil war on the symbols and rituals of Russian Military educational institutions

Abstract. This article examines the influence of the events of the Revolution of 1917 and the Civil War on the symbols and rituals of pupils of Russian military educational institutions. It manifested itself both in the emergence of destructive behaviors, and in the consolidation of pupils and their mentors into a friendly family.

Key words: Russian Abroad, cadet corps, symbols, rituals, traditions.

Gureev D. V. Symbolic structures as an element of the formation of ideologies

Abstract: The author examines the process of political ideology formation through the use of value elements in symbolic politics. Attention is paid to the main functions of symbols in political ideologies.

Key words: political ideology, ideological symbols, political values.

Karusheva Y. M. Duty to motherland from the point of view of Russians: age aspect (based on Russian nationwide survey)

Abstract. Based on Russian nationwide survey, the author analyzes the ideas of Russians about the image of Motherland and duty to it. It is concluded that, despite the homogeneity of associations with the word «Motherland», the older and younger respondents demonstrate differences in the admissibility of drawing a family analogy in relations between a person and Motherland and in expressing duty to it.

Key words: the image of Motherland, duty to Motherland.

Kiselev A. A. The fight of the general police with the symbols of political protest in the Belarusian provinces on the eve of the January Uprising of 1863

Abstract. On the eve of the January Uprising of 1863 in the Belarusian provinces, the political protest took place under the Polish national symbols. The government has established police courts to deal with protests through legal means. However, in conditions of political conflict, this measure turned out to be ineffective.

Key words: police, political symbols, the January Uprising of 1863.

Kleshchenko L. L. Russia in the image of a bear: a view from the USA (based on the interview)

Abstract. The article presents the results of a study of the US citizens' attitudes to one of the unofficial symbols of Russia, the "Russian bear". Based on the interview data, the author shows that the assessments of the content of the symbol depend on the political orientations of the respondents.

Key words: Russian bear, the image of Russia, political symbol, symbolic politics.

Kochukov S. A. The Image of the Slavs in Russian and European political caricature of the period of the Russian-Turkish war of 1877–1878

Abstract. The article examines a political caricature of the period of the Russian-Turkish war of 1877–1878. The author analyses the features of creating an image of the Slavs in satirical graphics. Plots and images which are typical for Russian and European cartoons are revealed, common features and differences in understanding the political role of the South Slavic peoples in solving the Eastern question are noted.

Key words: Russian-Turkish war of 1877–1878, Eastern question, satirical press, political caricature.

Kochukova O. V. The Position of the “European Observer” in the Russian-Turkish War of 1877–1878: Plots and Images of Satirical Graphics

Abstract. The article examines the journal satirical graphics of the period of the Russian-Turkish war of 1877–1878. The author analyses the peculiarities of creating an image of an “observer” in a political caricature in relation to the position taken on the eve and during the war by the European powers. The author compares the features of the satirical image of the "European observer" in the Russian, British, Austrian and German press.

Key words: Russian-Turkish war of 1877–1878, Eastern question, satirical press, political caricature.

Konev K. A. The image of the Entente and the United States in the periodicals of the Bolsheviks and the anti-Bolshevik movement in Eastern Russia during the Civil War: features of metaphorical construction

Abstract. The paper examines and compares the approaches of the Bolsheviks and their opponents in eastern Russia to the metaphorical construction of images of the Entente countries and the United States. The source for the research was the materials of the periodicals of the period of the Civil War.

Key words: Entente, USA, image of the Other, periodicals, Bolsheviks, anti-Bolshevik movement.

Krotova M. V. The image of the enemy in the Soviet-Chinese conflict on the CER

Abstract. The 1929 CER conflict was the first armed conflict of the USSR, so it was given a significant place in the Soviet press and literature of the 1930s. It is worth noting that the propaganda of those years focused not on the image of the Chinese as one of the parties to the conflict, but on Russian emigrants in Manchuria, who acted as «other».

Key words: the Soviet-Chinese conflict, CER, Russian emigrants, the image of the enemy, propaganda.

Kuptsova I. V. Symbols of violence in the artistic practice of mass culture during the first world war.

Abstract. Mass culture during the First World War became one of the most effective means of mobilizing society, fulfilling the tasks of agitation and propaganda. The depiction of acts of violence (shooting, vandalism, bombing, etc.) and the consequences (destruction, death, wounded,

refugees, orphans, etc.) in fiction, splint, poster, cinema evoked compassion for the victims in the public consciousness. Hatred of the enemy became the soil for the unity of society and the state.

Key words: The First World War, violence, mass culture, mobilization, the image of the enemy.

Lebedzeva M. L. Bison and Stork as symbols of the peace in the Belarusian public and political discourse

Abstract. Symbols of the peace contribute to the formation of a positive non-conflict image in public and political discourse. Analysis of the etymology of the Belarusian symbols of the peace and their reception in culture and in the media indicate the relevance of positive images in social and political communication.

Keywords: symbol, discourse, image, conflict, reception.

Levina Zh. E. Inanimate as main symbol of war in the Russian of the first half of XX century

Abstract. The contradistinction of the animate and the inanimate comes forward at the heart of the symbolic series of the war. It is shown that the Christian understanding of culture as overcoming the natural principle in a "natural" person generates a symbolic code of war in the Russian social thought, state documents and artistic creation.

Key words: Symbols of war, image of the enemy, image of war, war crimes

Mikheev D. V. Spaniards in the New World: evolution of the image in the diaries of English circumnavigators at the last quarter of the XVI century

Abstract. Reports about numerous atrocities committed by the Spaniards in the New World was an essential part of the Spanish Black legend. The main sources of the research include writings of the first English circumnavigators. The main elements of the negative perception of the Spaniards by Protestant sailors include Spanish religious delusions, falsity, cowardice and cruelty.

Key words: "Black legend", circumnavigation, enemy image, New World.

Mutaev U. K. "Russian bear" as a symbol of Russia for Dagestans.

Abstract: This text partly presents the results of a study devoted to the "Russian Bear" as a symbol of Russia . in Dagestan. The author demonstrates both integrative and disintegrative potential of the symbol.

Key words: Russian bear, symbolic politics, symbolic borders, Dagestan, Dagestanis.

Nevzorov M. V. Between the regular and the total: Constructing the thresholds of a limited war

Abstract. Modern statistics take into account armed conflicts in terms of battle-related deaths (Correlates of War and UCDP projects). It is argued that this method of measurement should be supplemented by the study of linguistic and symbolic repertoires that construct dynamic thresholds of war.

Keywords: regular war, total war, thresholds of war, limited war, conflict strategy.

Ovcharova O. G. “Both in labor and the Battle”: Women of Great Patriotic War as symbols of Russian regions (on the example of Saratov region)

Abstract. The author examines the problem of Russian regions symbolization through perpetuating the memory of women-heroines of the Great Patriotic War. The name of the heroine, which is associated with this territory in the public consciousness, will most likely be able to become its symbol.

Key words: The Great Patriotic War, symbols, women, Russian regions.

Pushkarenko E. A. Female images in Soviet and German propaganda during the Great Patriotic War

Abstract. The article examines the phenomenon of German and Soviet propaganda during the Great Patriotic War in its gender aspect. The article examines the main arguments addressed by propaganda to a female audience, as well as a comparison of typical images of a woman used by propaganda of the two opposing sides. The article is based on the materials of the National Archive of the Republic of Belarus.

Keywords: propaganda, the Great Patriotic War, the image of a woman as a symbol of the Motherland, gender aspect.

Raikova V. A. Cold War stereotypes and images in the TV show “The Americans”

Abstract. This paper is devoted to an analysis the popular TV show “The Americans” from the perspective of the representation in it Cold War images and symbols. Soviet-American relations in 1981–1987 are shown as

a ferocious ideological struggle between two different social systems and the US victory in Cold War as logical and just.

Key words: “The Americans”, Cold War, KGB, CIA.

Riabov O. The bestiary of the world politics: Cognitive, political, and social functions of using the animal metaphors

Abstract. The paper dwells upon the analysis of the reasons of employing the animal metaphors and symbols in the domestic and foreign politics. The author discerns its cognitive, political, and social functions

Key words: Bestiary, animal metaphor, the Russian Bear, political discourse, legitimation

Riabova T. B. the Russian bear and the canons of national masculinity in contemporary Russia: public opinion and mass culture

Abstract: The paper analyses how the image of the bear as a national symbol, on one hand, and the image of *muzhik*, on the other, mutually legitimate each other. Based on the data of sociological researches in Russia and the results of analysis of mass culture (above all, souvenirs and gifts to the Day of Defenders of the Fatherland), the author concludes that the “Russian bear” turns into not only an element of national identity politics, but also a factor of forming the gender order in Russian society.

Keywords: The “Russian bear”, masculinity, *muzhik*, national symbols.

Sokolov A. S. “Military alarm” of 1924 as a factor of social tension in early Soviet society

Abstract. The article analyzes the public mood in the USSR in connection with the difficult international situation that arose in 1924. The military crisis coincided with the events dedicated to the anniversary of the First World War, which stimulated the active actions of the authorities to increase social tension. Various social strata perceived the “military alarm” ambiguously

Key words: «Military alert», rumors, conflict.

Silchenko I. S. Russian bear in France. On the question of the fate of the living mascot of the 5th special regiment of the Russian expeditionary corps in 1916–1918

Abstract. The article is devoted to the fate of the bear — the mascot of the 5th special regiment of the Russian Expeditionary Corps, which fought during the First World War in France. With the help of new sources, the author not only highlights the fate of the bear, but also draws conclusions

that the living mascot contributed to the consolidation of Russian soldiers at an informal level and could contribute to their psychological adaptation.

Keywords: Russian Expeditionary Corps; 5th Special Regiment; mascot of the 5th regiment.

Smal S. V. Symbolic dimension of the consequences of political conflicts: experience of using the multi-dimensional integral indices and social security challenges

Abstract. The article attempts to carry out a symbolic measurement of the consequences of political conflicts. The author relies on multidimensional integral indices (global terrorism index, global peace index, refugee population by country, refugee population by country or territory of origin and trends in international migrant stock) and postulates challenges for the social sphere. The key threat is of a mixed nature, consisting of political-economic and political-symbolic components. “Children of War” are a ticking time bomb for both sites and actors, while targeted efforts to integrate refugees seem extremely insufficient and even invalid.

Key words: symbolic violence, social policy, multidimensional integral indices.

Smirnov D. G. Bestiary code of international relations Through the prism of the image of a Russian bear

Abstract. The focus of the material is on the image of the Russian bear in the system of the bestiary geopolitical code. The definition of the bestiary code of international relations is proposed. Two models are identified that use the image of the Russian bear to (de) legitimize Russia in the framework of international relations — Bearphobia and Mishaphilia. The specificity of these cognitive-semiotic models in Russian and foreign discourses is revealed.

Key words: bestiary code, Russian bear, Russophobia, Bearphobia and Mishaphilia, semiotic inversion.

Sputnitskaia N. Y. Bear and animal yard. The image of a bear in the Soviet / Russian and American comics 1980–1990s.

Abstract. The paper is devoted to the basic models of the development of the image of a bear in the comics of the 1980s-90s, including its adaptation in animation. The functions of the character are revealed, his specificity and strategies of interaction with other animal characters. The evolution of a character in a comic strip at the turn of the

decade is considered, the functions of antagonists and ways of media representation of the Strangers through animal metaphor are determined.

Key words: Animal metaphor, comics, children's culture, Cold War, media presentation, bear, Piggy

Tsykalov D. E. Symbols of violence and peacefulness in the religious and philosophical discourse of Vladimir Ern.

Abstract. The focus of the research is the symbolism of violence and peacefulness in the journalism of V. F. Ern 1914–1917. The philosopher applied erotic and Christian symbolism to clearly show the German-Russian cultural contradictions.

Key words: The First World War, symbolization, violence, peacefulness.

Zaytsev S. Y. Forming the image of private military companies (pmcs) in a contemporary cinematograph

Abstract. The article analyzes the main tools for forming the image of PMCs in contemporary cinema. Three films were taken as objects of analysis: “Take Point”, “Tourist” and “Extraction”.

Key words: private military company, symbol, image, cinematography.

Zotkin A. A. The war as the source of humanization: G. W. F. Hegel vs I. G. Herder

Abstract. The paper analyses the views of I. G. Herder and G. F. Hegel on the issues of war and peace. The author asserts that what they have in common is acknowledging of the ambiguous nature of war. However these philosophers estimate the universal essence of war differently. The ideas of German philosophers are being investigated from the key for European tradition concepts of humanism and humanization.

Key words: I.G. Herder, G.W.F. Hegel, war, peace, humanization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гребенкин Алексей Николаевич — Академия ФСО России (г. Орёл), д-р ист. наук, сотрудник.

Гуреев Данила Валерьевич — независимый исследователь, магистр политологии (Санкт-Петербург).

Зайцев Станислав Юрьевич — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), канд. полит. наук, младший научный сотрудник.

Зоткин Алексей Александрович — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, канд. полит. наук, доцент.

Кагарлицкий Юрий Валентинович — Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), канд. филол. наук, старший научный сотрудник.

Карушева Юлия Михайловна — Всероссийский центр изучения общественного мнения (Москва), проектный менеджер.

Киселев Александр Александрович — Белорусский государственный экономический университет (Минск), канд. ист. наук, доцент.

Клещенко Людмила Леонидовна — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), канд. полит. наук, ст. преподаватель.

Конев Кирилл Александрович — Национальный исследовательский Томский государственный университет, канд. ист. наук, зав. отделом Научной библиотеки ТГУ.

Кочуков Сергей Анатольевич — Государственный архив Саратовской области, д-р ист. наук, вед. архивист.

Кочукова Ольга Викторовна — Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, доцент, канд. ист. наук.

Кротова Мария Владимировна — Санкт-Петербургский государственный экономический университет, профессор, д-р ист. наук.

Купцова Ирина Валентиновна — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, д-р ист. наук, профессор.

Лебедева Марина Леонидовна — Белорусский государственный университет (Минск), канд. филол. наук, доцент.

Левина Жанна Ефимовна — Омский государственный педагогический университет, д-р ист. наук, профессор.

Михеев Дмитрий Владимирович — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), канд. ист. наук, доцент.

Мутаев Улубей Курбанбаганович — Ивановский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, канд. соц. наук, зав. кафедрой.

Невзоров Максим Вадимович — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), канд. полит. наук, доцент.

Овчарова Ольга Геннадиевна — Российская государственная специализированная академия искусств / Российский государственный гуманитарный университет (Москва), д-р полит. наук, профессор.

Пушкаренко Елена Анатольевна — Белгородский государственный национальный исследовательский университет, канд. ист. наук, доцент.

Райкова Вера Алексеевна — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), канд. ист. наук, доцент.

Рябов Олег Вячеславович — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник.

Рябова Татьяна Борисовна — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), д-р соц. наук, профессор.

Сильченко Иван Сергеевич — Технический университет Уральской горно-металлургической компании (г. Верхняя Пышма), канд. ист. наук, доцент.

Смаль Светлана Владимировна — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), канд. полит. наук, доцент.

Смирнов Дмитрий Григорьевич — Ивановский государственный университет, д-р филос. наук, зав. кафедрой.

Соколов Александр Станиславович — Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина, д-р ист. наук, зав. кафедрой.

Спутницкая Нина Юрьевна — Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва), канд. искусств., старший научный сотрудник.

Фролова Юлия Николаевна — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), канд. полит. наук, ст. преподаватель.

Цыкалов Дмитрий Евгеньевич — Московский инновационный университет, канд. ист. наук, доцент.

Чикалова Ирина Ромуальдовна — Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск), Институт истории НАН Беларуси, ведущий научный сотрудник, д-р ист. наук.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЕННЫХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Материалы научной конференции

Корректурa *О. В. Смушко*
Верстка *А. В. Ивановской*

Подписано в печать 12.11.2021.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Печ. л. 7,75.
Тираж 25 экз. Заказ № 16к.

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48